

Если вспомнить...

Часто можно услышать, что жизнь промчалась, как один день. Может такое восприятие прошлого связано с ожиданием завтрашнего дня, ведь главное впереди, а если тебе уже очень много лет и понимаешь, что будущего осталось немного, невольно оглядываешься и оказывается – жизнь-то была такой долгой и разной, что и вспомнить всё невозможно!

Когда я была маленькой, не было не только ТВ, но даже и радио. Наверное, поэтому мама много разговаривала со мной, рассказывала о своей жизни. А что знают о прошлом наши дети, что помню я?

Общаясь с родными, друзьями, однополчанами, я заметила, что память у людей бывает очень разной. Некоторые рассказывают о пережитом с мельчайшими подробностями, даже разговоры передают в лицах. У меня же чаще сохранялись в памяти события, которые связаны с сильными переживаниями. Может, поэтому многие куски жизни совсем стёрты, а некоторые воспоминания детства остались в виде картинок.

Смысл самых ранних зрительных воспоминаний я поняла уже взрослой: вот мы с папой и мамой идём где-то по высокой траве, вокруг какие-то холмики, папа что-то несёт, мама держит меня за руку, я отстаю, но на меня почему-то не обращают внимания. Это, значит, было скорбное событие – похороны моей сестрёнки Тасютки. Помню её только по рассказам родителей. Если бы мы росли вместе, и я была бы совсем другой. А так до 10 лет я оставалась единственным ребёнком без близких друзей моего возраста. Может, поэтому я долго была стеснительной и нелюдимой.

Заговорила я поздно, но когда родители вдруг услышали не лепет, а взрослое: «Папочка, непременно пойдём сегодня в цирк», конечно, моё желание было исполнено. А в памяти осталась картинка: я не столько смотрю на арену, сколько кручусь на широкой скамье вокруг папы. Вдруг прямо перед нами огромная лошадь становится на дыбы, И я, испугавшись, прячусь под папин пиджак. Так и осталась в памяти эта картинка. Помню и многие другие.

Моя семья

Родилась в Оренбурге в 1922 году и была долгожданным ребёнком, папа сам регистрировал меня, сам выбрал имя. Как это было давно!

Только позже я поняла, что росла в уникальной семье, где никогда не произносилось ни одного грубого слова, родители не ссорились. Правда, и прилюдные выражения ласки у нас не были приняты. Я долго думала, что семейные неурядицы люди выдумывают.

Голодный 1922 год на Урале был не таким беспощадным, как на Украине или на юге России, очень дорогой хлеб заменяло мясо, поэтому перенести голод было легче. Мама тогда заведовала детским садом и всё же, когда мне исполнилось три года, родители решили переехать на папину

родину, на Дон. Они продали дом, оставили там большую библиотеку и налегке мы добрались до Ростова.

Азов

В те годы была безработица, папа нашёл работу только в Райисполкоме Азова, и семья обосновалась там. Из мясного края мы оказались в рыбном – лещ стоил 3-5 копеек, правда, и зарплата исчислялась только десятками рублей.

Тогда же мы ездили на папину родину – хутор Челбин. Большой пароход, по бокам которого вращались огромные колёса с лопастями, часов за 40 довёз нас до станицы Цимлянской, где мы пересели на телегу и волю довели до хутора всего часа за три, а я сказала, что быки едут быстрее парохода. Об этом, конечно, я узнала потом из рассказов родных.

В Азове мама не сразу привыкла к местному говору, да и я на вопрос соседки: «Леночка, где ты идёшь?» после заминки ответила: «По земле». Мама так и не нашла постоянной работы в Азове, хотя и числилась на бирже труда. Она иногда заменяла кого-нибудь в детском саду или приглашалась летом, если садик выезжал на дачу.

Особенно запомнилось мне лето, когда папин отпуск совпал с дачей, и он приехал к нам в Широчанку, что около Ейска на берегу Азовского моря. Поэтому я стала жить не в группе, а на квартире с родителями. Мы с папой ходили на пляж, играли, купались, строили из песка башни. Мне это очень нравилось, ведь не надо загорать, поворачиваясь с боку на бок всей группой по команде.

В азовском кинотеатре по выходным шли детские сеансы, я получала 10 копеек и сама отправлялась в кино. Некоторые кадры из фильмов помнятся до сих пор. Ещё осталось в памяти, как шли мы по булыжной мостовой, мама дала мне конфетку, а я, развернув её, выбросила бумажку. Мама вдруг полупшепотом выговорила мне, что кому-нибудь, может быть, старенькой бабушке, придётся сгибаться, чтобы поднять её. «Не сорить» как постоянная команда осталась во мне на всю жизнь, я и сейчас не могу бросить что-нибудь на улице.

Не знаю, может, мама была таким талантливым педагогом, или я очень восприимчивым ребёнком. Однажды, например, короткой репликой она привила мне неприятие к излишеству украшений. Скромность в одежде: бусы, колечки, бантики я невлюбила навсегда.

Работа воспитателем тогда была трудной, шла ломка привычных ценностей: запрещалось ставить и украшать ёлки, детские песни заменялись революционными: «Мы красная кавалерия...». Сказки объявлялись дурманом, красивое – мещанством. Помню своё платьице, рисунок ткани которого изображал трактора.

Особенно жёстко насаждался атеизм. Детские стихи Маяковского тоже отражали ту эпоху: «Возьмём винтовки новые...». Позже этот пере-

хлѣст постепенно исправлялся, вернули детям Пушкина, а украшать ёлки разрешили только в 1935 году!

Игрушек в садике было мало, и мама мастерила их дома с моим участием. Приложения к «Женскому журналу» тех лет учили делать из бумаги и ткани зверей, мебель, домики. Отчётливо помню чудесного зайчика с морковкой в лапках, сделанного мамой, а я умудрялась по маленьким выкройкам из журнала шить модную тогда одежду для своей куклы. Мама разрешала мне пользоваться её швейной машиной, как только я стала доставать до ножной педали. Всё это выработало любовь и умение мастерить своими руками, конструировать, может во мне погреб неплохой инженер.

В Азове папе дали комнату в доме высланного купца Гнилосырова. Большой и когда-то богатый дом был в жалком состоянии, отопление, водопровод и остальные удобства разрушены, в большом общем зале висела красивая пыльная люстра. По периметру в зал выходили двери комнат жильцов. Вероятно, к жизни в коммуналках люди тогда ещё не были приучены, поэтому все стряпали, стирали, купались в своих комнатах. Впервые увидев поломанный унитаз, жильцы искренне возмущались причудам буржуев – шла борьба с богатыми.

Дети целыми днями в большом заросшем травой дворе ловили кузнечиков, играли в прятки, но однажды случилась беда – соседский мальчик упал в колодец, откуда брали воду. Когда-то колодезь был закрытым, вода подавалась ручным насосом, но от этой механизации остались только ржавые трубы, поломанные рычаги. Вова повредил ногу, разбил голову и остался калекой на всю жизнь.

Постепенно жизнь налаживалась, летом в компании друзей, сослуживцев папы, мы ездили отдыхать на остров, что на Дону около города. Там взрослые отдыхали, играли в крокет, плавали. Вечерами к нам домой приходили друзья на преферанс. Мама удивляла всех квашеной по оренбургскому рецепту капустой, но не помню, чтобы на столе было горячительное. Эти годы, пожалуй, единственные за всю жизнь родителей, когда они позволяли себе такие развлечения, отдых в компании друзей.

Мама

Чтобы восстановить последовательность событий, заглядываю в «архив», если так можно назвать небольшую стопку справок и трудовых книжек родителей. Бурные события XX века сорвали миллионы людей со своих мест, разрушились родственные связи. К сожалению, потребность узнать о прошлом своей семьи и родных появилась у меня поздно, когда и спросить стало не у кого. Завидую тем, кто хранит эту память, много знает о своих предках и гордится ими.

Моя мама, Капустина Мария Николаевна, родилась в 1896 году в Оренбурге и была младшей дочкой в большой семье, Её папа работал бухгалтером на разных предприятиях города и был достаточно образованным,

разделял передовые в то время идеи. К сожалению, я даже не знаю его отчества, а обращение в архив Оренбурга ничего не дало.

Когда дедушка работал на каком-то лесном складе, случился пожар и, потеряв работу, он устроился лесным сторожем вблизи Оренбурга. Бабушка вела большое хозяйство, растила детей: сына Володю, дочерей Клавдию, Ольгу, маму. Своё хозяйство позволило большой семье жить безбедно, учить детей, помочь им устроить свою жизнь. Но в 1915 году дедушка упал в погреб, рана живота оказалась смертельной. Мама очень тяжело переживала это, каждый день уходила на его могилку и сидела там часами. Рано не стало и Ольги, а бабушка умерла в 1921 году от тифа.

Все дети в семье получили образование. Мама окончила четырехклассную школу, что соответствовало нашей довоенной семилетке, и с 1913 года работала делопроизводителем школьного отдела Городской Думы, став первой женщиной города в учреждении такого ранга. На свою зарплату она приобрела швейную машину «Зингер», женский велосипед. Тогда со своей подругой они первыми в городе стали ездить на них. Брат Володя был там тоже первым оспопрививателем. Позже он открыл небольшой ресторан и в 18-м году, когда мама училась на педагогическом отделении Высшей вольной школы, брат устроил смотрины, желая выдать маму за одного немолодого ресторатора, но, чтобы заманить её, пригласил нескольких военных. Там мама и познакомилась с красивым сероглазым донским казаком.

Через полгода, после увольнения, папа с одним чемоданом приехал к маме и остался жить у неё, чем вызвал протест всех родственников – иноземец! Папа занялся торговлей, и они смогли купить себе дом. Возможно, борьба с НЭПом и заставила их потом уехать из Оренбурга.

Мы в Ростове

Раньше в первый класс детей принимали с восьми лет, поэтому в тридцатом году я должна была идти в школу, а мама так и не нашла себе работу в Азове. Тогда она со мной уехала в Ростов, сняла комнату в Нахичевани и я пошла в школу № 13. Вскоре приехал папа, поступил на работу в солидное учреждение и ему дали жильё на Новом поселении. Это был небольшой флигель во дворе, а на улицу выходили два кирпичных дома, как и в Азове, отобранные у прошлых хозяев. В маленькой комнатке поставили кровать, стол, шкаф и ширмой отгородили мою кушетку. Удобства, как и раньше, в комнате и во дворе. Мама записала меня в школу-новостройку, ездить приходилось на трамвае. Прицепные вагоны тогда были открытыми, без стен, внутри стояли лавки. Плата за проезд – 2 копейки, столько стоило и ведро воды, мы купали её на колонке в квартале от дома.

Но вскоре меня перевели в школу № 4 нашего микрорайона. Я от души полюбила первую учительницу Марию Дмитриевну. Добрую память

о тех годах оставила и районная библиотека имени Величкиной, где было принято беседовать с детьми при обмене книг о содержании, героях, интересных фактах, я даже помню названия некоторых книг. В библиотеке часто проходили встречи с поэтами, писателями и другие мероприятия. Это было 70 лет назад, а недавно библиотека отметила своё 90-летие и я подарила ей несколько своих книжек, конечно, о стенографии.

Прошёл месяц со дня, когда я начала вспоминать прошлое за компьютером и увлеклась этой игрой. Какое это комфортное занятие по сравнению с пишущей машинкой. А, между тем, мне стукнуло 84 года! Этот возраст должен бы вызывать радость, что судьба дала такую долгую жизнь, а на самом деле грустно...

В те годы мы получали по подписке первое советское издание собрания сочинений Льва Толстого. Это были книжки на серой газетной бумаге с мягким переплётом. Я читала детские рассказы, притчи, и хотя не понимала их глубокого философского смысла, что-то, наверное, сказалося на убеждениях, речи.

В Ростове мама, наконец, смогла поступить воспитательницей в детский сад. После работы она стряпала, стирала, убирала. Однажды я у неё спросила, неужели ей не хочется поиграть, мама смутилась и не смогла внятно ответить. Не знаю, что в её возрасте ответила бы я, может, что для взрослых работа тоже как игра, особенно, если делать её с интересом, выдумкой, тогда успех доставляет большую радость. Так потом я восприняла новую для себя роль жены и матери.

Папа

А папа после работы, пообедав, обычно ложился немного отдохнуть, я же часто пристраивалась у него под боком, и мы разговаривали. Тогда я узнала, что мир бесконечен, ведь если даже представить, что где-то есть стена, за ней всё равно должно быть что-то, и так без конца.

Рассказывал папа и о своём детстве, о том, как люди становились богатыми: если в сельской семье были работающие сыновья и умудрённый опытом старик, то хозяйство преуспевало. Когда народные приметы подсказывали сухой год, хлеб сеяли в низине, если сырой – выше. У других неурожай, цены поднялись, а эта семья становилась состоятельнее. Даже не знаю, зачем он объяснял это 9-летней девочке, может, чтобы она знала, что успех в жизни, это большой и разумный труд. Тогда шла борьба с крепкими крестьянами, которых называли кулаками, а он это, наверное, не принимал.

Папа, Калмыков Константин Михайлович, родился в казачьей семье в 1890 году на хуторе Челбин. Его родителями были Михаил Маркиянович и Варвара. У папы был старший брат Павел, младше него сёстра Ксения, брат Феофан и Анна. Следующие роды стоили жизни его маме,

она умерла от заражения крови, умерла и девочка. Второй брак с тётёй Марусей позже дал детям ещё и сестру Марию.

Крестьянский труд тогда был очень тяжелым, вставали все до рассвета, в холод и слякоть ехали на поле пахать, сеять, косить или жать; бесконечные работы ждали на винограднике. Уход за живностью, работы в огороде требовали заботы ежедневно круглый год. Соха, вилы, грабли, простая косилка были основными орудиями труда почти натурального хозяйства. Успешная работа всей семьи создавала относительное благополучие на целый год.

Семья Калмыковых пользовалась на хуторе уважением, её отличала какая-то интеллигентность, истинная религиозность. В семье царил закон глубокого уважения друг к другу при безоговорочном послушании старших, это сочетание создавало невозможность плохого отношения ни старших к младшим, ни детей между собой.

Но не только трудолюбие отличало семью, они умели и хорошо отдыхать. По праздникам вся семья наряжалась в самое лучшее, накрывали стол плодами своего труда, ставили своё же вино. Разговоры, шутки сопровождалась пением казачьих песен, ведь все обладали хорошим слухом и голосами, чего, к сожалению, не досталось мне. Но я не в обиде, папин казачий чуб всю жизнь помогал мне обходиться без забот о причёске.

Был в нашем роду и необыкновенно деятельный человек, который всё время что-нибудь сочинял, изобретал, не раз за это сидел в тюрьме и при царе, и после. Это дедушка Гриша, брат папиного отца. У нас была изданная в начале XX века книжечка его стихов, но, к большому сожалению, потерялась.

Папа рассказывал, что в каждом хуторе были свои чудаки и дурачки от рождения, которые развлекали всех. Так был у них великий фантазёр, который сочинял всякие небылицы. Папа рассказывал многие, но я запомнила до конца только одну байку: бродил Федя как-то за хутором и под кустом нашел ямку полную яиц. Он догадался, что их отложил заяц, поэтому выкопал ямку глубже, чтобы косо́й подумал, что надо ещё снести. Теперь скоро пойдет за своей добычей.

Однажды папа сильно простудился на полевых работах, у него открылась чахотка. Тогда старшего брата призвали в царскую армию, а папу не взяли. Позже его вылечил старый фельдшер народными средствами, и он служил уже в Красной Армии.

Лихолетье

Наш переезд в Ростов вскоре совпал с голодным годом, и здесь выручала мамина работа. Когда ввели хлебные карточки, мы с папой получали по 300 грамм, а работники заводского детского садика по 800. Помню, как по дороге в школу я часто видела сидящих на земле старых людей, просящих помощи, и иногда делилась кусочком своего скудного зав-

трака. Однажды, возвращаясь из школы, увидела согнутую, лежащую на боку мёртвую бабушку и подумала, вдруг она умерла потому, что утром я не дала ей чего-нибудь. Ещё помню, мы легли спать, а я стала ныть, что голодна. Уже став мамой, поняла, как я рвала сердца родителей, наверное, не раз они отдавали мне последнее, а в тот день не было ничего.

Сестрёнка

Так получилось, что в нашей семье радостные события – рождение детей, совпали с тяжелыми голодными годами. Так в 1932 году родилась моя сестренка. Я очень ждала её, мечтала играть с ней и удивилась, видя её то спящей, то сосущей. Тогда мама не могла бросить работу из-за хлебной карточки, и пришлось Вику (это имя ей дала я) определить в ясли, где она вскоре простудилась. Болела Вика часто, даже лежала в больнице, куда мы приходили с папой. Там было холодно, мама отогревала её своим телом, а грудью кормила до двух лет.

Когда сестрёнка подросла и перестала болеть, в семье воцарилась совсем другая атмосфера – вместо взрослых разговоров со мной как с равной, так воспитывали меня, Викин детский лепет и врожденное остроумие внесли в нашу жизнь много веселья, смеха. Рано обнаружился у Вики и музыкальный слух, она напевала мелодию песни «По долинам и по взгорьям» когда ещё не умела говорить!

Помню, что сначала ей требовался переводчик. Например: «Укой» обозначало «Возьми на руки». Мы не сразу поняли, откуда это пошло. Когда она подходила к кому-нибудь, поднимала ручки, чтобы её взяли, и получала отказ, то укорительно говорила «У, какой» и пристыженный взрослый брал её. Отсюда и пошло «Укой».

Новоселье

В 1934 году папе дали комнату в коммунальной квартире когда-то богатого дома на улице Старопочтовой, которая после нескольких переименований стала называться улицей имени Станиславского. Старинный дом сохранял некоторые черты былой роскоши – на стенах парадной лестницы были написанные маслом пейзажами, мраморные ступени, на улицу выходила массивная дверь. А за дверью была темнота, так как перегоревшие или выкрученные лампочки не всегда вовремя ставил очередной жилец. Я с замиранием сердца ходила по этой темноте. Можно было подняться по железной «чёрной» лестнице со двора, но я стеснялась стучать и тревожить соседей, их квартира была ближе к этому входу, а звонок я сама провела только в 1945 году.

На кухне не работал бак для подогрева воды, в ванной протекал сто-як, после купания воду приходилось вычерпывать и носить в унитаз. Но тогда никто не роптал, не требовал ремонта, это было бесполезно. Самым

же неприятным было прекращение работы местного парового отопления зимой, если не хватало угля. Это с теперешней точки зрения, тогда же мы были рады и таким удобствам. Квартира была ведомственной и даже с мебелью, но постепенно к нам приезжали и забирали то одну, то другую старинную вещь, а мы покупали дешёвые современные.

Семилетка

После переезда пришлось пойти в третью в моей жизни школу № 51. Появилось много новых знакомых, друзей, и хотя я там проучилась всего три года, с некоторыми жизнь сводила ещё не раз. Первая подруга Галя была примером интернационализма – в её жилах текла польская, венгерская, еврейская и украинская кровь. Её отца, заведующего отделением районной больницы, арестовали в 1937 году, а вскоре забрали и маму, найдя в доме лекарства отца. Тогда Гале пришлось бросить школу и после седьмого класса поступить на мебельную фабрику учётчицей. Дружба с Галей повлияла на мой характер. Я, глядя на неё, поняла, что общительность – хорошее качество, она делает человека раскрепощённым, позволяет много узнать нового и нужного, лучше понимать людей.

В школе я училась хорошо, даже назначали старостой, хотя я не знала, что должна была делать кроме составления графика дежурств. Тогда у меня обнаружили способности к рисованию. Учительница очень уговаривала пойти в художественную школу, а я упрячилась, так как не любила её за то, что она курила, ведь курящая женщина тогда была большой редкостью, не курил и мой папа. До сих пор не знаю, права ли я была, как бы сложилась моя жизнь на другом поприще.

А однажды меня заметил математик. Накануне я вертела в руках пакетик из-под красителя для материи и у меня получился тетраэдр. Когда учитель произнёс задачу о площади поперечного сечения, я сразу назвала ответ. Он же решил, что у меня способности к математике, и предложил участвовать в конкурсе, а я знала, что это случайность и не пошла.

Как-то мы с Галей решили гадать. Налили в блюдце воды, положили в неё смятую бумагу и подожгли. На стене появлялись разные силуэты, которые надо было разгадать. У меня получились очертания пушек, и хотя я была всегда сдержанной, вдруг испугалась и уронила блюдце. Может, это было предсказанием войны, судьбы артиллеристки и жены военного?

Друзья

В шестом классе у нас образовалась дружная компания, мы часто собирались у Зины. Её папа был рабочим, играл на трубе в заводском оркестре, мама – портниха, шила у заказчиков на дому, потому что индивидуальный труд преследовался – «нетрудовые доходы». Теперешних развлечений тогда не было, и мы веселили себя сами – придумали игру в ша-

рады. Для этого делились на две группы, одни уходили в спальню, выбирали какую-нибудь поговорку или крылатую фразу и сочиняли действие, где произносились слова этой фразы. И тут начиналось невероятное – доставались из шкафа вещи родителей Зины, игроки превращались в героев придуманной сценки, и начиналось представление. Ребята были остроумные, мы катались со смеху, но самое удивительное было в том, что нам разрешалось брать любую родительскую одежду.

Тревожные времена

Как-то, когда много говорилось о новой Конституции СССР, мы собрались у одноклассницы Вали, и я предложила написать конституцию для нашей компании. Помню, как влетела в комнату её мама и, к нашему удивлению, запретила даже произносить это слово. Тогда мы не понимали, что это значит, а она, наверное, боялась, что наши развлечения могут сойти за заговор, ведь это были годы репрессий.

В нашей коммунальной квартире жила семья с тремя взрослыми сыновьями. Младший сын Володя работал шофёром у крупного начальника в городе Орджоникидзе, теперь Владикавказе. Однажды он приехал с женой и дочкой шефа. Оказалось, что когда её муж понял, что его ждёт арест, то развелся с женой и уговорил Володю оформить брак. Позже она узнала о расстреле мужа. В 1941 году сослали на восток и жену с дочкой.

Репрессии продолжались и, когда арестовали другого соседа (он был немец), его жена предложила поменяться с нами, ей было не под силу содержать двухкомнатную квартиру. Мы переехали ниже на пол-этажа, так был построен дом. Стало две комнаты вместо одной, но через зал проходили соседки – две сестры, уже пожилые, аристократки в прошлом. Одна учила меня музыке, а я тогда не знала, что слух у меня плохой и Мария Андреевна, наверное, мучилась со мной. Позже папа сделал перегородку и отделил коридор. Моё совершеннолетие мы отмечали со школьными друзьями уже в этой квартире, до этого приглашать друзей в тесную комнату я стеснялась.

Юность

Школа 51 тогда была семилеткой и, окончив её, я перешла в школу № 5. Новые учителя, ребята, которые учились вместе с первого класса, вот мы и подружились с Жекой, она была тоже новенькой в классе, так как из-за болезни лёгких осталась на второй год. Жила она рядом со школой, я заходила к ней, и мы вместе шли на занятия. Так я познакомилась с её семьёй, где меня принимали очень радушно.

В этой школе тоже образовалась хорошая компания: Жека, я, Тамара, Лида и несколько ребят: Володя, Слава, Юлий и Даня. Собирались мы в большой квартире у Тамары, её папа был начальником на железной до-

роге. играли в настольные игры, пели, танцевали, а зимой регулярно ходили на каток и там, катаясь по большому кругу парами, решали личные вопросы: кто кому нравится, кто с кем дружит, кого с кем надо помирить. Всей компанией мы смотрели спектакли. Тогда и в театре Горького, и в оперетте играли выдающиеся артисты: Завадский, Мордвинов, Марецкая, Бенский, Сергиенко и другие. Многие спектакли производили даже большее впечатление, чем одноименные московские экранизации со знаменитыми артистами.

Недавно среди бумаг мне попался маленький блокнотик с адресами друзей и названиями книг, прочитанных в 1938 - 40 годах. Я даже удивилась, как много мы тогда читали, несмотря на книжный дефицит. Это были классики нашей и мировой литературы – Бальзак, Золя, Верн, Скотт, Гюго и другие. По датам я узнала, что за месяц прочитывала не менее трех романов.

Хутор Челбин

В те годы летом я ездила к папиным родным на хутор Челбин. Этого я ждала с нетерпением и заранее лазила на крышу смотреть в бинокль на отходившие вверх по Дону пароходы. Вместе со мной ездили в разные годы и Галя, и Жека. Папина сестра тётя Нюра была замужем за председателем колхоза, и мы жили у них.

Большой дом возвышался на каменном фундаменте, образующем прохладное подполье. Поднявшись по ступенькам, попадаешь на просторную веранду, куда летом насыпали горы спелых яблок и груш. Здесь же дверь вела в сени, часть которых занимал большой отсек для хранения зерна. Жилая часть дома делилась на четыре комнаты: кухня-столовая, зал, две спальни и посередине, конечно, огромная русская печь. Окна закрывались ставнями, для чего вокруг всего дома на уровне веранды шел круговой узкий балкончик с перилами.

С Галей мы потом вспоминали, как отправляли посылку с яблоками её маме. Почта находилась в станице Маркинской. Мы пошли туда с тяжелым ящиком не по дороге, а, желая сократить путь, напрямую, ориентируясь на видную издали маковку церкви. Это стоило нам дорого, так как мы оказались на высоком обрывистом берегу извивающейся внизу речки, пришлось возвращаться назад на дорогу. В станице мы нашли почту закрытой, а когда, наконец, пришла почтальон и взвесила посылку, её вес оказался больше нормы. Пришлось отрывать дощечки и отбирать часть яблок, но когда мы её опять забили, почтальон встряхнула посылку, и опять забраковала – стучит. Натолкав туда газет, мы всё-таки сдали ящик.

Другой год мы приехали с Жекой. Тётя Нюра лежала в больнице, и дядя Валя поручил нам сделать вареники. Женина мама очень хорошо стряпала, и Женя смело взялась за незнакомую мне работу. Но дядя Валя всё браковал тесто – оно же будет вариться в воде. Вареники получились целыми, но очень жёсткими. Когда вернулась тётя Нюра, а она плохо слы-

шала с детства после кори, увидела, что дядя Валя купил Володе – сыну тёти от первого брака, волейбольный мяч. Она всё допытывалась, сколько он стоит, наверное, очень дорого, но успокоилась, узнав цену, а дядя Валя назвал нам шепотом цифру в 10 раз большую.

Двоюродные

На Челбине протекала неширокая чистейшая речка Цимла. Мы, двоюродные, любили там купаться всей компанией: сын тёти Нюры Володя, дочка дяди Фани Валя, второй сын тёти Ксении Алёша, я. Валя учила меня мыть в реке волосы кислым молоком, у неё они были шикарными. Длинная русая коса, белое лицо, румянец – настоящая донская казачка-красавица! Вода в речке была прозрачной, дно песчаное, там водились небольшие рыбки – пескари, которых мы ловили пальцами ног, накрывая ступнёй, а тётя Нюра потом жарила рыбёшек как семечки на большой сковороде. Потом дядю Валю арестовали, не выполнил план госпоставок зерна, дав крестьянам по 300 грамм на трудовень.

Первый муж тёти Ксении погиб, его сын – Петя Донсков был старшим в семье, вторым был Алёша Алфёров, его папа умер от туберкулёза. В семье воспитывался также Алешин сводный брат Клавдий, который очень любил свою маму, назвать её мачехой не повернулся бы язык. Он всю жизнь помогал ей и Алёше. Третий муж, дядя Алёша, был агрономом колхоза, у них родилась дочка – Лида. Жизнь тети Ксении была очень тяжелой и когда она осталась с детьми после смерти дяди Димы, и когда репрессировали дядю Алёшу.

Но и в этой большой семье сохранялся прежний семейный уклад – доброжелательность и любовь. Сколько-то помогали тёте родные, слала посылки и моя мама. Запомнился мне случай, когда в стопке отрезов новой ткани, приготовленной для посылки родным, мне понравился симпатичный голубой в белую полоску ситчик. Мама увидела уже раскроенные куски для шестиклинок, которые после геометрических расчётов должны были образовать правильную ёлочку. Сначала она рассердилась, а потом одобрила мою работу и купила в посылку новый отрез.

Стенография

Папа работал экономистом в учреждении, связанном с внешней торговлей. Праздники там отмечались большими банкетами, и он брал меня с собой. Там я увидела стенографистку, папа иногда рассказывал о ней, удивляясь её умению чуть дотронувшись до бумаги записывать сказанное. Тогда стенографистки работали во всех солидных учреждениях, профессия была очень престижной.

Последний десятый класс я училась в новой близкой к дому школе-новостройке № 30. В те годы было много кружков, в том числе и обо-

ронного назначения. Я сдала норму и получила значок «Ворошиловский стрелок», потом начала заниматься ещё в фотокружке, кружке парашютистов. Когда время занятий совпало с кружком стенографии, парашютный бросила. Это, может быть, спасло мне жизнь, ведь у меня, как и у папы, отвратительная зрительная память, я могу заблудиться и в родном городе. И хотя система стенографии тогда была очень сложной, а кружок скоро распался, я продолжила заниматься сама и немного научилась писать.

Москва

Перейдя в другую школу, я продолжала дружить с Жекой. Тогда у большинства на стенах висели чёрные «тарелки» радиотрансляционной сети, а у Жеки был ламповый приёмник. Она с восторгом рассказывала о концертах Петра Лещенко, которые они слушали по ночам из-за рубежа. Может, поэтому Жека и мечтала об институте связи, но в Москву поехала я. В очереди за билетами на поезд познакомилась с Калей, судьба свела нас позже совсем в другой обстановке.

В Московском институте инженеров связи конкурс на отделение радио в 1940 году доходил до 12 человек на место! Я тогда была худеньким подростком с косичками и не сразу поняла, поняла, почему в нашу комнату общежития заглядывали ребята, Тогда пустили слух, что одна девочка окончила школу досрочно, вот и интересовались ребёнком-вундеркиндом.

Конкурс я выдержала и стала студенткой. Помню, что экзамены принимали у меня тоже с улыбкой, удивляло преподавателей и то, что я писала стенографически. Тогда каждый прошедший в вуз оставлял за бортом остальных абитуриентов, платных мест не было, и кто-то навсегда расставался с мечтой о высшем образовании, кто-то шёл в техникум, кто-то повторял попытку через год.

Вскоре вышел приказ о зачислении на стипендию только студентов, сдавших сессию без троек. Это был риск, без 14 рублей стипендии я не прожила бы, хотя иногда мама и присылала мне понемногу и как раз тогда, когда я оставалась совсем на мели. Потом уже я узнала, что она относила свои золотые украшения в Торгсин. Кроме того, меня разочаровала экскурсия на производство – огромный цех, кругом один металл, гул, пыль, и это на всю жизнь! Я попросилась домой.

Мама помогла мне перевестись на выбранный мной биофак. Вместо первой лекции неожиданно попала к Зине, которая рисовала пригласительные билеты на вечер встречи со студентами-первокурсниками. Так началась совсем новая жизнь. Учиться мне очень нравилось, ведь на биофаке мы узнавали так много интересного о живом мире!

В университете жизнь была ключом. Тематические вечера, встречи с известными людьми, 25-летний юбилей университета, игры, танцы, но-

вые друзья, внимание старшекурсников кружило головы. 1941 год мы весёлой компанией студентов встречали опять у Зины, даже пропажа из коридора непарных галош, несмотря на дефицит, не расстроила пострадавших, а вызвала остроты и смех.

Тогда же в университете был организован ансамбль Красноармейской песни и пляски с курсантами Военно-политического училища. Под руководством балетмейстера Панова мы разучили украинский «гопак», где солировала Зина, и белорусский «крыжачок», где солировала я. Костюмы нам шили в ателье, для меня это было событием, ведь до этого я всё мастерила себе сама. На память остались фотографии этих танцев и ребят в военной форме. Маме приходилось прятать их во время оккупации.

Весеннюю сессию первокурсники биофака сдавали раньше других, так как в июне начиналась практика в ботаническом саду, а в последний день практики 23 июня мы должны были поехать на биологическую станцию в Недвиговку, но ...

Война!

Несмотря на интересную, полную радостных впечатлений жизнь и успокаивающие сообщения о пакте с Германией, очень тревожили судьбы поверженных стран. Может поэтому, сообщение по радио о войне вызвало у меня неожиданное чувство: наконец наша непобедимая и легендарная Красная Армия разгромит фашистов! Мы, молодые, не очень понимали, что такое война, а родители это уже пережили, хотя и не представляли её современную.

Многие ребята были сразу призваны в Армию, а нас, девчонок, послали в колхоз. Газеты и радио тогда много рассказывали об успехах нашей промышленности, поэтому было странно видеть убогость колхозов, плохую организацию труда, недостаток запчастей. Мы добросовестно трудились, целыми днями крутя ручные веялки, а, усталые, ночью видели во сне бесконечный поток зерна.

Новый учебный год прервался недельной оккупацией города. По дворам тогда ходили солдаты и выискивали евреев. У нас в подвале кочегарки сидел профессор Бескин с семьёй, он когда-то строил наш уникальный подъёмный железнодорожный мост через Дон. Однажды я шла по двору, а в подъезд вошёл фашист и спросил, есть ли в доме евреи. В школе я учила немецкий, и он поверил моему отрицательному ответу. А если бы усомнился? О том, что творилось в дни оккупации, мы узнали и увидели после освобождения города.

Зима 41-42 годов была очень суровой. Нас, студентов, посылали рыть за городом противотанковые окопы. На телеге везли ломы и лопаты, а мы шли следом. Земля была такой мёрзлой, что работа двигалась очень медленно. Запомнились мне эти дни ещё и тем, что там кормили очень бе-

лым хлебом с маслом и копчёной колбасой. Такой роскоши и до войны мы не могли себе позволить.

Однажды учёба прервалась работой на заводе, где мы крутили арматуру для противотанковых заграждений. После такого рабочего дня очень болели руки, помню, как шла я домой еле держась на ногах и не видя перед собой дороги.

Потом здание главного корпуса университета заняли под госпиталь, мы дежурили там санитарками. Раненые лежали в аудиториях на полу, стонали, пахло кровью. Особенно мне запомнился один маленький пожилой солдат, который очень стонал, а я долго уговаривала его поесть, мне казалось, что тогда ему будет не так больно. Когда же я пришла на следующее дежурство утром, он был мертв, а ужин не тронут.

Через 30 лет я преподавала стенографию журналистам филфака РГУ. Вдруг во время занятий в аудитории на втором этаже главного корпуса, вспомнила, что это была аудитория, где когда-то ухаживала за ранеными, где видела страдания и смерть. С трудом взяла себя в руки.

Недавно я нашла свои стенографические записи военных лет и стала их расшифровывать, так как уже много лет преподавала по другой системе. Попробую выбрать кое-что о том времени.

20.01.42. *Ура! Завтра на занятия! Лекция по систематике низших. Какая красота, учиться, учиться и учиться!*

25.01.42. *На занятиях было только 4 человека, но лекция состоялась. Фашисты далеко, под Таганрогом и то окружены.*

В городе новый джаз даёт концерты, а морозы до 27°.

04.02.42. *Занятия в университете через день. Ездили рыть окопы, но сильный буран не давал работать.*

Ночью была облава, искали не работающих.

16.02.42. *В госпитале карантин. Искала донорский пункт, но не нашла. На воскресник пойти не смогла, так как вызвали в милицию на перерегистрацию, оказалось, что мобилизация на предприятия не касается студентов и школьников.*

05.03.42. *Два дня читали нам агроминимум, готовят в колхозы. Ребят брали на фронт с третьего курса, а теперь с нашего, второго. Что будет с экзаменами, с летней практикой?*

06.03.42. *Сегодня на занятиях было 3 часа лекций по военному делу, ведь могут применить газы. На днях наши войска возьмут Таганрог. Вот было бы хорошо!*

10.03.42. *Произошло много событий, я даже забыла, как провела мой день рождения седьмого. Мама, конечно, испекла пироги и*

плюшки. Получила поздравительную телеграмму от Жеки из эвакуации.

В этот день должна была идти на окопы, но началась метель. Мы с Зиной пошли на встречу с нашими и не нашли их.

Вчера взяли Таганрог! Хотя по радио и не сообщали, но я поверила. Ростовчане радостно переживают эту весть, она так много значит для нас!

19.03.42. С ребятами из ансамбля хотели организовать агитбригаду, мечтали о поездке на фронт. Вчера пошли в райком, не застали секретаря. Получили билеты на комсомольский актив.

08.04.42. Готовимся к экзаменам, сказали, что нас не пошлют на окопы. Мы предлагаем поехать во время практики работать на малярной станции. А потом сказали, что девушек будут призывать в Армию. Это меня обрадовало.

Чтобы узнать подробнее, мы всем курсом пошли в партком к Фаине Николаевне Кучеровой. Она рассказала нам о положении на фронтах и комсомолкам вручила направления в райком. Там тоже побеседовали и послали в военкомат, где работал друг моего соседа Дибров. Он посоветовал мне не торопиться, возьмут не всех, но мы все пошли к комиссару. Список составляла Зина, вписала всех, кроме себя.

Потом дни тянулись в неведении, все держались бодро. Сегодня получила повестку, завтра сдам паспорт. В 4 часа в клубе объявят решение. Сказали, что будем служить в технических войсках. А пока до свидания мой дневник, хотя много хочется сказать, столько мыслей, надежд, опасений... Пора спать, может последний раз в своей постели.

Уходили комсомолки ...

18 апреля 1942 г. Помню, как 12 апреля мы с мамой встали очень рано, часов около четырёх. За дверью ворочалась Вика, но мы не стали её будить. Разговаривали мало, мама вела себя мужественно, только пристально смотрела на меня. Я же с лёгким сердцем окинула взглядом в последний раз комнату. Мы долго шли от Кировского по улице Энгельса. Было холодно.

Пришли на сгоревший вокзал и долго ждали, Потом нас построили и посадили в товарные вагоны. Стали прощаться, хотелось в последний раз видеть провожавших, запомнить их ли-

ца. Некоторые глядели молча, некоторые болтали о мелочах. Мама искала меня глазами, но я пряталась за девушек, толпившихся в широких дверях вагона, плакала. Плакала и мама. Я увидела, какая она старенькая, маленькая и совсем одна в этой толпе, одна и беспомощна. До этого она ни чем не показывала, что значит для неё мой отъезд, поддерживала и только в последние минуты не выдержала.

***24 апреля 42 г.** 12 апреля вечером мы прибыли в Каменск, переночевали в казарме на соломе, потом нас разместили в актовом зале школы на сцене. Тогда я узнала в одной из девочек ту Калю, с которой мы ехали в Москву. 13 и 14-го мы занимались хозяйством. 15-го познакомились с Уставом, занимались строевой подготовкой. Позже начали знакомиться со специальными предметами, были на батарее, видели прибор управления огнём. Жизнь пошла строго по распорядку: подъём в шесть, час на завтрак, занятия – 6 часов, отбой в 10. Мы научились неплохо ходить в строю, узнали, правда, больше по рассказам, о жизни военных.*

Ходили мы тогда в своей одежде, наверное, формы для девушек ещё не нашили. Но с гражданскими причёсками пришлось распрощаться раньше. У меня были косички волнистых волос и, когда расчёсанные пряди стали падать на пол, я слышала общий вздох, волосы были, действительно, красивыми. Через много лет после долгих поисков, мы нашли этот двор, узнали ту веранду.

***25 апреля 42 г.** Какой сегодня беспокойный день! Нас распределяли по батареям, девушки в нашей комнате очень сдружились, а в отделение надо было только 9 человек.*

На сборах нашим командиром был сержант Строителев, а теперь его забирают. Такой командир едва ли ещё будет у нас. Мы его очень любили, ловили каждое его слово. Он для нас был за родителей, друзей, учителей, сглаживал трудности военной жизни, заботился о нас, не заигрывал с девочками, уважал всех одинаково. Он ленинградец, несмотря на молодость, жизнь уже порядком потрепала его, рано пришлось работать. Он был радистом на корабле дальнего плавания, много путешествовал, знает английский язык, занимается самообразованием и удивляет нас эрудицией. У него замечательная память, он столько знает и так интересно обо всём рассказывает, на его занятиях не скучно.

27 апреля 42 г. Сегодня мы расставались с Игорьком. Вчера весь вечер разговаривали. Он нам много сказал, как надо держать себя в Армии, что нас ожидает. У нас будет много трудных дней, но светлыми будут воспоминания, ведь мы прошли очень сложный переход от жизни в семье до Армии, до фронта. Мы понимали, что встреча с таким замечательным человеком укрепила наши характеры, создала такой дружный коллектив, который не каждому встретится в жизни. Мы расстаёмся и всем грустно, грустно...

28 апреля 42 г. Вчера нас выстроили и зачитали списки по батареям, но без Кали. Мы все стали плакать, пока не перевели её к нам. От радости мы тоже плакали и смеялись, вот такие были солдаты! Прощаясь с Игорем, мы знали, что нам будет очень не хватать его.

Так в нашем отделении 4-й батареи зенитно-артиллерийского полка ПВО (противовоздушная оборона) образовался коллектив из шести студентов РГУ: Я и Валя – биологи, Саша, Аня и Женя – химики, Вера – филолог. А Каля и Мария из мединститута, Паулина уже работала лаборанткой, она сирота, росла в детдоме и попросилась к нам.

Нашим командиром отделения стал сержант Суханов. Он был уже обстрелянным солдатом, но в отличие от Строителява совсем малограмотным. Мы это никогда не подчёркивали, слушались его, видели в нём защитника. Комбатом был украинец Ярош, командиром взвода – Клейн.

Со временем мы лучше узнали друг друга. Так, Мария была нашей совестью: если кто-нибудь, рассказывая, чтобы сильнее передать впечатление, хоть немного что-то приукрашивал, она сразу поправляла.

Каля, может из-за драмы в семье, ей пришлось пережить развод родителей, оказалась не по годам житейски мудрой. И это сочеталось с её неуёмным юмором, она могла всякое событие сделать весёлым и заставить нас хохотать от души. Всю жизнь я восхищаюсь ею, может отчасти и потому, что сама, хорошо чувствуя юмор, не умею смешно даже анекдот рассказать.

Моей однокашницей (мы получали обед по двое в один котелок) стала Валя. Она была весёлой, но по-другому, в быту же какой-то неумелой, часто из-за её несобранности нам попадало.

Саша и Паулина, которую мы звали Птичкой, были главными авторитетами в хозяйственных делах. Потом в дни затишья, бывало, они по утрам угощали нас вареной кукурузой, Значит, ночью тайно покидали батарею, посещали колхозное поле, а потом в стрелковом окопчике варили этот деликатес. Мы ведь месяцами питались только супом и кашей или одной пшёнкой, или перловкой, ведь Кавказ был отрезан.

Аня и Женя были милыми девочками. До сих пор вижу искристые глаза Ани и очень нежную Женечку. Она попала на фронт с давним сердечным заболеванием, мы старались её беречь.

Вера была у нас эрудитом. Она хорошо знала западную классическую литературу и иногда пересказывала романы, помню долгую эпопею – «Сагу о Форсайтах». Мы ей прощали, если она делала то, что ей хотелось, а нам не нравилось. Но она и сама над собой шутила: когда в её дежурство обед был нежирным, то, отмывая в холодной воде наши котелки, говорила, что это её еврейское счастье.

Девчата в действующей Армии доставили много хлопот командирам, ведь сначала никто не знал, как обустроить наш быт, что и в какой мере требовать. Потом стали поступать нормативные документы, и всё постепенно налаживалось.

На батарее нас стали учить работе на приборе управления зенитным огнём. Мы узнали, как сложно попасть в самолёт – надо стрелять туда, где самолёт окажется в момент, когда снаряд долетит до него. Скорость полёта, направление, высоту рассчитывал прибор, команды на пушки передавались голосом. Прибор – это стол, чудо техники, уже был списан, пока же приходилось работать с ним. А в это время фашисты наступали на нашем фронте и, хотя задачей полков ПВО изначально была охрана и оборона стратегических объектов от налётов тылу, наш полк оказался на самой передовой.

3 мая 42 г. Мы уже переехали в землянку на точку. Сначала были тревоги учебные. Я на приборе номер 7. Работать не сложно, за четыре дня мы овладели прибором и постепенно стали привыкать к новым начальникам, к новым условиям жизни на батарее. Меня и Мусю политрук отобрал в кандидаты на введённую должность заместителя политрука.

Вчера после присяги меня повезли в полк, там, в группе будущих замполитов, мы проходим курс младших командиров. Из-за меня спорили, комиссар пятой батареи хотел, чтобы я оформляла «Боевой листок» у него, наверное, заметили моё умение рисовать. Я не знала, кого слушать, чуть не заревела, но оставили в четвёртой. Выпускаем газету каждый день. С трудом, но привыкаем к дисциплине, даже о доме подумать некогда. Сейчас я работаю сразу двумя карандашами – одним рисую заголовки, другим конспектирую, ведь занятия у нас идут по 10 часов.

9 мая 42 г. Комбат батареи с нами ещё не разговаривал, два раза зашел молча, но мы чувствуем его доброжелатель-

ность. Приезжал командир полка, спрашивал нас о приборе. Было комсомольское собрание, первое в Армии.

Привезли книги, буду читать Горького, а потом об эпохе возрождения. Сейчас уже вечер. Написала письмо Вике. Давно нет писем, а так хочется получить весточку из дома.

13 мая 42 г. Вчера был месяц, как мы здесь. Просили комиссара сделать что-нибудь, хоть самодеятельность, но он провёл беседу о Румынии. А потом сказал, что перехватил письмо одной из нас, она пишет кому-то о будущей встрече. Письмо нормальное, а он назвал её развратной девкой. Дико было слышать такое! Одна девочка стала возмущаться, но он её грубо обругал, а другая стала пить валерьянку. И это нам после умицы Игоря! Зато поняли, кто будет нас воспитывать.

16 мая 42 г. Получила письмо из дома. Ещё выдрала два седых волоса. И от чего это, ведь живём мы хорошо, веселим друг друга, правда, не всегда есть время писать.

Сегодня целый день был на батарее командир дивизиона. Сержант вёл занятия возле прибора, мы загорели и очень устали. А на орудиях не все ребята ответили на вопросы, они уже не молодые, большинство из сёл. Вечером комбат построил всю батарею и хорошенько стыдил провинившихся. Нас, правда, похвалил, так как мы за 8 дней освоили работу на приборе.

. Спорили о книге Германа «Наши знакомые», о Горьком.

18 мая 42 г. Жизнь наша течёт тихо и спокойно. Только комиссар часто ходит к нам, ведь мы ведём всю общественную работу на батарее. Он странный человек, говорит очень быстро и много, но ни одной живой мысли.

19 мая 42 г. Сейчас мы сидели в землянке и читали Устав. Сержант вышел и мы заговорили о своём – кто что пишет в дневниках, ведь они запрещены. Я оказалась в лучшем положении, мои стенограммы никто не прочитает, да и само письмо значительно короче, пишется быстрее. Когда пишу, то совсем разучилась управлять своей мыслью и часто прихожу к неожиданным выводам. Сейчас наша жизнь – полная противоположность той, гражданской. Здесь мы – коллектив и это влияет на все наши поступки. Я долго была в семье одним ребёнком, поэтому мне часто становится трудно. Здесь нельзя быть упрямой, обидчивой, зато мы – разные, и многому учимся друг у друга.

Красота! Пришел друг Игоря Саша Березин и принёс привет от него, все рады. Саша тоже такой же интересный человек. Сейчас мы опять спорили о литературе, хотя во многом согласны с ним. Говорили о передаче мысли на расстояние. Я высказала мнение о значении подсознания. Оно переходит в другое состояние, и так могут передаваться мысли.

После этого разговора мы сделали вывод, что и в Армии, живя по Уставу, можно умело использовать время, читая, делая записи, споря, общаясь с интересными людьми. В Армии можно многому научиться, ведь мы, второкурсники университета, ещё не очень образованы.

20 мая 42 г. *Какой вчера был день, столько впечатлений и приятных, и неприятных. Интересный разговор с Сашей кончился тем, что комбат не разрешил дать ему обещанного нами Шекспира. Хорошо, что до этого мы уже отдали другую книгу.*

24 мая 42 г. *Приезжали проверяющие, был строевой смотр. По спецподготовке и матчасти у нас «отлично». Вчера же я ездила в штаб дивизиона, мне сообщили, что приказом № 012 по дивизионному району и № 160 по полку мне присвоено звание замполита.*

27 мая 42 г. *Получила письмо от мамы. У них всё хорошо, только нет писем от папы.*

Мы с Валеёй вчера приводили в порядок комсомольские дела, остальные маскировали окоп. Шел шуточный разговор. Сержант придрался к словам Кали и очень грубо обругал её на всю батарею. Она, красная, повторила приказание и пошла, а он, как ни в чём не бывало, позвал её. Станный человек, может ни за что унижить и следом стать совсем другим. Каля, после этого, весь вечер плакала, и у нас было тяжёлое настроение.

А сегодня, когда пришёл комбат и начал расспрашивать, мы решили молчать, но всё же пришлось рассказать. Мы никого не винили, ведь всё было по Уставу, хотя каждый его понимает по-своему и по-своему применяет.

28 мая 42 г. *Наконец я получила сразу три письма от мамы, от Гали и от Тома. Тома спрашивала о Зине, думая, что та здесь. Она тоже скоро поедет на фронт, просит написать о нашей жизни, о Володе (она дружила с ним после меня), сообщает, что он был в Севастополе радистом, писал регулярно и пе-*

редавал всем приветы. Может она думала, что мы помирились и я знаю о нём.. Я ответила Тамаре дружеским письмом.

30 мая 42 г. Мы опять стреляли. Погода чудная, полная луна, воздух напоён акацией, а над головой в облаках ревёт вражеский самолёт. Тревога. Мы у прибора. Наш окоп накрыт ветками тополя, листики тихо шуришат. И вдруг: «Точка 149, заряджай, огонь!» Всё озаряется красно-жёлтым светом и неприятно бьёт в глаза, страшный грохот, за ним проносится вихрь, будто встряхнули гигантским полотнищем, свист снаряда и всё это один лишь миг. Выстрелы повторяются, самолёт сворачивает с курса, делает круг и опять бомбит, а через несколько секунд опять тишина.

Напряжение выливается в дикий смех, нападает необузданная весёлость. Потом вдруг хочется спать. Где-то падают бомбы. Луна как пьяная, улыбаётся, плывёт. Холодно. Всё безразлично.

1 июня 42 г. Сколько оптимизма у молодости! Мы весь день оплетаем окоп – вбили колья и плели лозой. Тихонько пели и плели. И это несмотря на то, что каждую минуту могут бомбить.

Сегодня вопрос нам задала Вера. У неё сложная семейная обстановка. Её мать бросила семью, вышла замуж за видного деятеля и живёт в Москве. Отец все свои силы отдал воспитанию дочери. Она прекрасно знает классическую литературу, музыку, но очень эгоистична. Вчера она получила письмо от мамы, которое ей переслал отец. Веру как подменили, всё ей стало безразлично, она не хочет ничего слушать, ничего её не трогает. Нам стоило много труда заставить её заниматься делом. Когда это пройдёт, может она расскажет, что случилось.

Хватит писать, устала, пойду к девочкам, они что-то смеются, правда, они всегда смеются, ведь у нас есть Каля. Удивительно, как хорошо и интересно в такой компании!

6 июня 42 г. Какой скандал был вчера, просто ужас! Мы уже два часа сидели у прибора и вдруг увидели Сашу Березина. Очень обрадовались, это было для нас праздником. Наконец объявили перерыв, но сержант не отпускал нас от прибора. Мы начали выражать своё удивление. Каля плохо себя чувствовала и сказала, что больше не может сидеть, ей надо было зайти в землянку. Но там сидел Саша, и сержант грубо вернул её. Нас бесила обида. Когда пришло время обеда, он не разрешил идти

обедать. Мы наревелись, а потом на нас напал нервный смех. Сержант опять злился и кричал, а мы ревели и смеялись.

Сегодня вечером крутили «Музыкальную историю». Обошлось без налётов. Фильм взволновал нас больше, чем до войны.

7 июня 42 г. Написала письмо Вике. Попросила маму достать мне учебник стенографии, а то не доучилась и делаю много ошибок. У нас сидит сержант, хочет поговорить, а мы молчим. Мне его уже жалко, хотя понимаю, что он же над нами издевался.

11 июня 42 г. Может, воспитываясь в бесконфликтной семье, я оказалась беззащитной, и у меня выработалось подсознательное чутьё, которое без ведома уводило меня от общения с плохими людьми. Мой бесконечный оптимизм позволял распознать невольную ошибку человека и оправдать его, но абсолютно не мирилась я с оговорами, осуждала сплетни за спиной, и, особенно, умение вбивать клин между людьми. Валя удивлялась тому, что по рассказам у меня все подружки были хорошими: «Неужели тебе никто не делал подлости?». А мне странно было слышать это. За что?

Здесь мы понимаем друг друга с полуслова, взгляда, и это создаёт комфортный климат внутри и позволяет нам сопротивляться внешним обстоятельствам.

Начала читать Горького, всё подряд.

13 июня 42 г. Какая красота! Валя поехала в Ростов! Счастливая! Послала Валю и это правильно, у неё очень плохо с мамой, осталась одна, болеет, а муж и сын на фронте. Хорошо, что она расскажет всё то, что сказал бы каждый из нас, ведь мы живём одними мыслями и желаниями. Ни письмо, ни рассказ постороннего не смогут передать гражданскому человеку самое главное о нашей жизни.

Сегодня была комиссия из РДР (Ростовский дивизионный район). Я ответила всё, даже то, что, нам не объясняли, догадалась. Другие девочки отвечали тоже хорошо.

14 июня 42 г. Получила письмо от Жеки, моей школьной подружки. Чудачка, она хочет помирить меня с Володей. Ещё мы получили письмо от Игоря. Какое милое, чудесное письмо, оно многое всколыхнуло в наших душах. Последние дни мы как бы заснули, а он пробудил у нас желание жить, читать, думать, спорить. Я никогда никому не писала «дорогой», стеснялась выра-

жать чувства, теперь же могла бы вполне искренне написать «дорогой, милый, замечательный наш друг!».

21 июня 42 г. Вчера нам, наконец, выдали форму, завтра надо будет надеть, а когда снять придется? Ведь это уже решено, исход войны известен, должен открыться второй фронт, тогда наши нанесут удар, и в 1942 году разгромим врага!

22 июня 42 г. Мы в военной форме. Как-то странно после домашних платьев, но скоро ведь привыкнем. Гимнастёрки, юбки, американские ботинки на толстой подошве, обмотки, из которых мы сделали чулки, бязевое бельё надо будет перешивать.

24 июня 42 г. Пока затишье, занимаемся. В школе я тоже не всегда слушала внимательно, но зато, отвечая, додумывала и получала 4 и 5. А здесь на специальных занятиях не пишут конспектов, надо запоминать всё и, пользуясь планом, рассказывать, поэтому способность додумывать очень пригодилась.

В свободное время готовим самодеятельность. Какой командир взвода энергичный, без него ничего бы не получилось.

Валя привезла из Ростова книги Есенина и Симонова, надо будет кое-что выписать.

Сейчас сообщили, что 18-го была бомбёжка Ростова. 20 бомб сброшено на центр. Жду писем, но будет ли связь?

26 июня 42 г. Вчера был сумасшедший день. Началось с того, что мы пропустили самолёт, вернее, не пропустили, а хуже – стреляли на 1/6 левее, Муся забыла переключить тумблер. Как глупо! Комбат не знал, что нам говорить, да и что могли сказать мы? Совершили преступление, виноваты!

В землянке мы долго спорили, вспоминали всё, вместе придумывали способы, чтобы такое не повторилось. Этот жёсткий разговор помог каждому взглянуть на себя со стороны.

Меня вызвали в полк на совещание с начальником политотдела РДР. Был трудный, но полезный разговор, все говорили правильно, но не обошлось и без сплетни, будто комвзвода равнодушен к Мусе, а это на фронте недопустимо. Кое-кому наша сплочённость мешала, кто-то просто завидовал.

Вечером было дивизионное собрание. Хорошо выступил комиссар дивизиона и другие, я не хотела, но меня записали. Сказала, что ругали нас справедливо, а наш комиссар вставил реплику о ложной дружбе, его одёрнули. Тогда я рассказала о

том, как мы обсуждали все наши ошибки, считаем, что надо больше тренироваться.

Когда возвращалась на батарею впервые в форме, приходилось непривычно приветствовать встречных военных по Уставу, а хотелось улыбнуться и поздороваться за руку.

Сегодня почти не отходили от прибора, была тренировка. Очень устали. Была и боевая тревога, мы не пропустили ни одного самолёта, всех вели раньше других.

30 июня приезжал старшина с третьей батареей, передал привет от Игоря и письмо:

«Мои родные и милые девушки! Простите, что я фамильярен, но иначе не могу – ваша девятка в моей армейской жизни одно из светлых, тёплых и вместе с тем грустных воспоминаний. Сколько горечи в слове «Вы», когда нас разделяет служба, ох, да хорошо говорят «...слова, одни слова». Сейчас первый час, только что отбой тревоги, положение № 3, вот пишу ответ на ваше письмо от 19 мая. Мне тем горше наша разлука, что в Армии я не нашёл ещё человека, которого не задумываясь назвал бы другом. И всё, что есть хорошего во мне, я решил отдать вам, мои дорогие. Я мало разбираюсь в педагогике и прочей абстракции, но твёрдо помню слова Руссо: «Нет плохих детей, есть плохие воспитатели». И вот именно вам я хотел посвятить (конечно, после серьёзного раздумья) все мои знания, навыки и богатый армейский опыт командира. Я не хотел скрывать от вас всех трудностей нашей жизни, прикрывать их фиговым листком. Я не хотел обманывать вас (вы же ещё дети, несмотря ни на что) в оценке вещей, но я был бы строг как командир там, где это мне подскажет интуиция и рацио, и вы были бы хорошими и честными бойцами. И это лучшая награда для меня как солдата и человека. Я с детства сам видел мало приятного и пережил мало хорошего. Жизнь меня встречала не улыбкой, и поэтому я знаю цену человеческих чувств. Не унывай девятка славных и милых бойцов! Наши дороги ещё встретятся. Будьте сплочённее, не унывайте и никогда не забывайте своего боевого командира и друга. Привет всем знакомым, жду письма.

Строителев»

28 июня 42 г. Приходил комвзвода, за не ношение противогазов объявил два выговора Ане и Саше, потом вызвал меня. Я

думала, разговор пойдёт о прошлом скандале, а он начал с того, что я как замполит работаю недостаточно, мне пришлось с ним согласиться. Я добросовестно выпускаю «Боевой листок», оформляю наглядную агитацию, организую политинформации, но, что правда, то правда, не умею лезть в чужую душу. Договорились, буду чаще советоваться с ним.

Вечером мы завели патефон и танцевали. Ночь была чудная, во всю светила луна, тепло, ни ветерка. Мы, танцуя, забывали, что это огневая позиция, что рядом пушки и разведчик следит за воздухом, что в любой момент может начаться бомбёжка, стрельба. Вот такая романтика на войне.

30 июня 42 г. Дежурю у телефона и читаю лирику Блока. Объявили занятия младших командиров, будут учить нас правилам стрельбы по наземным целям, изучим виды самолётов. Это даётся мне особенно трудно из-за плохой зрительной памяти.

В землянке стало темно, чуть мерцает коптилка и освещает брёвна потолка. На грубом столике букетик ночных фиалок. Они наполняют «комнату» нежным ароматом.

1 июля 42 г. Сегодня у Веры день рождения, ей 19 лет. Мы, как всегда, поздравили именинницу и постарались устроить ей праздник.

Получила письмо от моей Жеки из эвакуации. Она пишет, что во втором письме я прочту о том, что творится у неё на душе, просит поругать её за увлечение. Вот этого уж я не ожидала от неё, ведь Владислав воюет, он лётчик. Она пишет, что ей очень хочется быть со мной, ведь только со мной она делилась до конца самым сокровенным.

2 июля 42 г. В Севастополе идут уличные бои. Всё время волнуюсь, болит сердце, но ведь есть о чём.

Наконец мы написали подробный ответ Игорю, общее – вместе, а о каждом – в его отсутствии.

«Дорогой, милый, незабываемый командир! Недавно отправили Вам записку, а сегодня выбрали время и собрались все вместе писать письмо. Так много хочется сказать сейчас, и, буквально, не знаем, с чего начать.

12-го будет уже 3 месяца, как мы в Армии. За это время у нас много изменилось. Если бы Вы увидели сейчас нашу девятку, то с первого взгляда поняли, что мы уже совсем другие. Нам

очень дорого стоило то, что произошло. Мы и белугами ревели, и молча, без слов переживали всё, но всегда вспоминали Вас. Мы знаем и уверены в том, что если бы Вы были с нами, то смогли бы научить нас ещё многим истинам армейской жизни.

Не раз в поисках правды мы ошибались и поступали неправильно. Эти ошибки дорого нам стоили, но они вырабатывали у нас новый взгляд на жизнь. Правда, уже многое из пережитого потеряло для нас остроту.

Вы просите, чтобы мы написали обо всём и обо всех. Обо всём мы написали, теперь обо всех по порядку номеров.

Известная Вам Анна Ивановна – гражданка по-прежнему весьма трудновоспитуемая, «Воробей» да и только, как мы её называем. Задорный характер не хочет укладываться в рамки Устава. С работой своей справляется хорошо. Когда ей делают замечания, воробей превращается в молодого нахотлившегося петушка, готового в любую минуту броситься на «врага». Это является её индивидуальной чертой. Но, в основном, наш Воробей всегда верен традициям нашей девятки.

Саша, Александра Ивановна, девушка, подающая большие надежды в качестве ведущей нашего хозяйства, а, в общем, Саша очень серьёзно относится к нашей работе и по освоению прибора является одной из лучших среди нас. В её обязанности входит определить направление по азимуту и углу места.

Мария Григорьевна, мы уверены, что Вы запомнили её как серьёзную девушку, такой она и осталась. Нам не хочется писать о ней смеясь, совсем недавно она пережила больше, чем мы все. Но в минуты веселья она так же смеётся вместе с нами и так же живёт нашими радостями. Она замечательная, верная подруга, всегда умеющая сдерживать нас, когда мы особенно «рассогласуемся».

Паулина Васильевна, вновь возвратившаяся в лоно нашей девятки, и ныне благополучно совмещающая стрелки азимута, является бойцом административным, так как заведовать клубом – это не репу кушать, а быть первым танцором на батарее, это вам не хала-бала. Надо сказать, что она быстро всё усваивает и ей всё легко даётся, так что скоро она станет зенитчиком-универсалом, владеющим любой техникой на батарее. Она стала меньше дуться, и её характер становится гораздо более уравновешенным.

Елена Константиновна – наш славный замполит. О ней тоже как-то не хочется писать с усмешкой. Она исключительно умна и уравновешена. Девушка оказалась хорошим художником и, самое главное, в ней оказалась большая сила воли, о которой мы не догадывались, так как это не вяжется с её детским голоском. В самые тяжёлые минуты её доводы помогают нам выполнять ту работу, за которую взялись. В форме Лена осталась такой же изящной, но уже более мужественной, правда, пилотка ей не идёт, и мы просим почаще снимать её, открывать свои волнистые волосы.

Вера Абрамовна – «Кейзер босой»....

На этом записи прерываются, очень жаль, надо было срочно отправить письмо.

14 июля 42 г .12-го был первый массированный налёт. Самолётов было с сотню. Бомбили. Всю ночь горели нефтяные баки. Дым застилал солнце, оно как луна. Всё вокруг вечернее, туманное, клочья сажи летают в воздухе. Стреляли много и хорошо.

Вечером отбой-поход. Переехали на новое место и всю ночь копали укрытия. Утром нам сообщили, что мы ПТО – противотанковая оборона. Может через час, может через неделю, мы напрямую столкнёмся с противником. Устали дико, засыпали стоя, опять стреляли.

Часов в 11 отбой-поход. Перешли опять на ПВО (противовоздушная оборона). Теперь мы на точке бывшей 5 батареи. Окопы завалены, всё сыплется, мы грязные как чушки. Точку засекли, на батарею пикировали 8 Юнкерсов-86. Отбились.

Сегодня передали, что 18 танков прорвались к нашей первой позиции. Одна пушка поехала на позицию ПТО, но её не пустили через мост, одна осталась для охраны переправы. Аккумуляторы не заряжены, экономим ток. Продуктов нет. Мужчины вооружились для наземной обороны. В случае наступления фашистов мы должны будем подносить снаряды, быть разведчиками, санитарками. Боялись окружения.

В полдень налетели 6 Юнкерсов-86. Пикировали на батарею. Сбросили бомбы. Четыре упали метрах в пятидесяти. Ранено двух ребят из отделения тяги. Последний самолёт мы по-

дожгли. Точка засечена, теперь мы ждали гостинцев каждую минуту. В городе взрывали заводы. Жара. Жажда, воды поблизости нет. Поехали за самолётом.

15 июля 42 г. Составили акт и привезли сумку лётчика, тяжело на душе, ведь мы убили человека. Утром опять стреляли. Всё горит. Ждали штурмовика. Летят шальные пули. Надо быть наготове. Сейчас часов 11. За рекой неопознанные танки. Наши ребята пошли в разведку.

Пришла большая помощь с севера, фашисты отступили. Гонялись за корректировщиком ФоккеВульф-198. Азартная работа. Кажется, сбили. Но вдруг начался артобстрел города. Что-то горит на вокзале, густой чёрный дым. Снаряды летят над головой, вражеская батарея недалеко на той стороне. По ориентирам разведки стали стрелять по наземным целям – танкам, машинам, миномётам. Кругом всё горит, прострелена цистерна с горючим. Фашисты за рекой, а мы как на ладошке. Могут пристрелять из миномётов.

Приехал полковник из РДР, ругал, а мы не унывали – первый самолёт в полку всё же наш!

16 июля 42 г. Абсолютно перестали ориентироваться в днях и часах. Кругом всё горело, совсем рядом пылали бензобаки, могла загореться позиция. Мы обнаружили себя стрельбой по танкам и миномётам. Кончается заряд аккумуляторов. Вечером было светло от огня, вокруг рвались снаряды, над головой противно жужжали мины, стреляли по нашей точке.

Вдруг отбой-поход, испытали тяжёлое чувство отступления. Заняли позицию на юге города. Замечательное место, всё вокруг видно. Стреляли по машинам, танкам, рассеяли колонну. Азарт приглушал усталость. Всю ночь копали укрытия, а утром опять летят. На передовой хорошо – некогда думать. Через нас летят дальнобойные снаряды.

Рядом стоит авиачасть. Лётчикам нравится, как мы стреляем, даже думали, что мы гвардейцы. От похвалы нам было и весело, и грустно, и интересно. Сбили Юнкерс-80, составляют акт. Сегодня видели работу «Катюш» и наших штурмовиков. Нам работать нельзя, нас обстреливают. Висит самолёт-корректировщик, по нему бьют пулемёты.

17 июля 42 г. Вчера под огнём объявили отбой-поход. Жалко было покидать эту позицию. Переехали благополучно. Опять

копали всю ночь и без ужина. Почва твёрдая, еле двигаемся. В 6 утра опять поход. Хочется плакать. Утвердили акты на сбитых Me-109 и He-111, а на Дарнье было мало свидетелей. Дело, правда, не в актах. Сейчас, усталые и сонные, сидим в машинах. Принесут еду и поедем, кажется, в Лихую.

Помню, что выезжали мы из Каменска ночью. Было очень темно, а полукругом по горизонту всё светилось, там шли бои, на улице все дома без единого огонька. Вдруг слышим страшный крик, мольба о помощи, наверное, раненый солдат. Я сержанту – надо остановиться. Он ответил грубо, а потом уже тихо объяснил, что мы же в колонне, нельзя.

18 июля 42 г. *Когда вчера проехали Лихую, то узнали, что наш маршрут – Артёмгрес, Шахты, Новочеркасск, Ростов, Батайск. Куда усталость делась! Сразу запели, засмеялись, начали строить планы. Оказалось, едут все. По дороге несколько раз перегоняли другие батареи, на заправках радовались встречам, удивлялись, сколько у нас друзей в части.*

19 июля 42 г. *Всю ночь шёл сильный дождь, промокли до нитки, замёрзли, казалось, умрём. Ни черта! Утром согрелись, а к вечеру приехали на наш Левбердон у Аксая. Песок, лужи, копать нельзя. Опять дождь. Виден Ростов.*

Вокруг 4 моста. Весь день бомбят. Бомбы ложатся около нас, осколки осыпают всю позицию. Почва песчаная, влажная и от бомб земля не трясётся, а колышется, благодаря этому осколки бомб теряют силу. Автодорожный мост разрушен, едва ли удастся съездить домой, а так близко. Связь почтой тоже нарушена.

Ночью – отбой-поход. Оставшиеся пушки приказано отдать пятой батарее. Ночью не спали, ревели, что отобрали пушки. Переехали к ДКП (Дивизионный командный пункт). Пикировали 5 самолётов, а мы без дела!

21 июля 42 г. *Вчера купались в Дону, Вдруг команда – приготовиться. И через час мы в Ольгинской. Отдыхали в палатках, приводили себя в порядок, а Ростов страшно бомбят. Подняли на воздух весь наш район. Я очень волнуюсь, хотя бы мама с Викой выехали.*

23 июля 42 г. *Вчера отдыхали на реке, осколок упал у головы, а сегодня прошёлся по спине – горячий. Бомбы падают близко. Бьют дальнобойные. От Ростова остались камни. Где наши?*

Ночью лезли в голову планы переплыть Дон, побывать дома, ведь это совсем близко по Кировскому, а утром вернуться. Понимала, что это, к сожалению, невыполнимо.

24 июля 42 г. Какой ужас, город всё время бомбят, Ростова нет! Всё, что было, ничего нет! Я не знаю, где папа, а мама с Викой? Ушли ли они? Всё, что напоминало о прошлой жизни, ничего нет! Города нет, дома нет, университета нет, друзей нет! Где все?

25 июля 42 г. Сегодня по радио сообщили о боях под Ростовом, Новочеркасском, Воронежем и ... Цимлой! Как мама? Если они ушли туда, то попали из огня в полымя. Там ведь придётся долго идти до хутора, а маме запретили даже дома много двигаться. Она так больна! Это мои предположения, а как всё на самом деле? Может, их уже нет, и я никогда ничего о них не узнаю? С папой связь тоже потеряна. Здесь, в Злодейской, почта не работает.

Сегодня или завтра уезжаем в Армавир. Жаль, что дальше от дома. Как бы наладить связь, узнать, что с родными?

26 июля 42 г. Мы в Егорлыкской. Едем дальше. Сообщили, что фашисты высадили десант в Ростове, но его уничтожили.

Если мама узнала о Цимле, то остались дома. Живы ли они после бомбёжек, если живы, то ушли, если ушли, то куда и не погибли ли в пути. Как Вика, если останется одна?

Нет, они живы, обязательно живы. Мы ещё будем вместе!

30 июля 42 г. Позавчера видела двух замполитов из Киева, узнала, что Володина часть (знакомого по ансамблю) тоже была здесь, но уже уехала на Сталинград. Очень жаль, что не повидались. Вчера вечером приехали к Армавиру, стоим в парке-саду. Природа здесь чудесная. Томит бездействие.

2 августа 42 г. День железнодорожника. Настроение грустное, может, уже нет своего дома и родных нет. Ужасно. А вчера ещё разговаривали, смеялись, вспоминали дом. По радио передавали оперу «Евгений Онегин». Моросил дождь, Я заплакала, а Валя утешала. Зачем? Будто самой легче. Хочется плакать по любому поводу, особенно, когда вспоминаешь родных.

А хозяйка квартиры удивляется, что мы смеёмся, когда вспоминаем об обстреле нас миномётами, но тогда мы не по-

нимали, что после недолёта и перелёта следующая мина должна была попасть в окопчик. Поэтому нам было смешно смотреть, как лётчики прятались в углах, они-то понимали опасность.

5 августа 42 г. Настроение ужасное. Какое тяжёлое сейчас положение. Пути отрезаны. Бои идут у Белой глины. Там нас ругали за сорванные груши.

Зачитали приказ, он должен стать переломным. Надо перестроиться, но держать, обязательно держать, это сейчас главное, вопрос жизни и смерти.

8 августа 42 г. Ходим в горы, в лес. Седьмого заблудились. А известия ужасные – сдан Армавир. Хорошие у нас ребята на батарее, они поддерживают нас, ведь мы без техники, есть от чего впасть в отчаяние.

13 августа 42 г. Вчера исполнилось 4 месяца, как мы в Армии, но ознаменовался день плохими известиями. Наши командиры в неразберихе отступления и потери связи с командованием дивизиона ушли в разведку, а сегодня мы узнали, что они где-то на переправе попали под обстрел, у комбата проломлен череп и выбит глаз, будет ли жив, неизвестно, остальные погибли.

Положение на фронте очень тяжёлое, сдали Краснодар, Майкоп.

Страшно. Представляю себя с папой, а маму с Викой вижу во сне как-то смутно. Нет, конечно, это только кажется. Их надо разыскивать. Когда же будет перелом?

15 августа 42 г. По моим подсчётам уже должен открыться второй фронт. Положение на фронтах более чем тяжёлое, сданы Минводы. Дальше отступить нельзя. Становится жутко, тоска непробудная. Вспоминаю папу, его привычки. У меня его характер. Смотрю фотографию Вики и не могу себе представить, что с ними, ведь наш папа командир, воюет, а город в оккупации.

22 августа 42 г. Год и два месяца идёт война. Фашисты прут на нашем направлении. Нам, наверное, придётся вступить в бой как пехота.

25 августа 42 г. Позавчера нам пообещали ПУАЗО-3 (прибор управления зенитным артиллерийским огнём), обрадовались, дух захватило – опять будем работать!

28 августа 42 г. 23-го вечером в дождь сидели в палатке ребят. Пришёл Клейн, его переводят. Жалко, вместе пережили такое трудное время. А кто будет руководить нашим хором?

Интересно, что и хор, и строй – это, оказывается, настоящий, цельный организм, где все подчиняются чему-то общему. Этого я раньше не понимала, это надо почувствовать.

26-го поехали копать позиции – укрытия для приборов, орудий, землянки для себя. На другой день то же, заснули только утром. Проснулись и узнали, что на западе наши войска прорвали фронт!

29 августа 42 г. Вдруг неожиданно утром пулемётный и миномётный огонь. Туман. А мы вдруг запели: «До тебя мне дойти не легко...». Смотрим друг на друга, понимаем, будет жаркий бой. Раньше на стреляющей батарее смерть была всё же случайной, теперь – смерть или победа, высота так или иначе должна остаться нашей и это зависит от нас.

Целый день у приборов. Всё время воздушные бои. Сброшен десант 20 человек в двух с половиной километрах от четвёртого наблюдательного пункта. Так хотелось туда.

Сменилось командование дивизиона, опытных ребят отправляют на фронт..

30 августа 42 г. Вчера за горой видели зарево, там идут бои. Сейчас обстреляли наши позиции из пушек. Пикировали Me-109. Снаряды упали метрах в 20 от нас. Никто не пострадал, а на других батареях есть потери, Это очень тяжело пережить.

1 сентября 42 г. Вчера сообщили, что наши отбили по одному населённому пункту на краснодарском и нашем направлении. Если это не случай, то – большой успех.

Сейчас я в городе, жду машину из полка. Книжный и все другие магазины, кроме хлебных, закрыты, а жизнь идёт. Вдруг пронзила мысль, что существует гражданская жизнь, люди живут по-старому, в семье, свободно ходят, работают. Вот идёт девушка. Дома она сбросит жакет, ляжет на диван. Странно. Для нас сейчас этой жизни не существует. Когда я вернусь на батарею, если по распорядку будет отдых, то прилягу на соломенный матрац земляных нар, под головой будет противогаз и такая же соломенная подушка. Этим можно гордиться, но...

После войны, наверное, мы будем всё воспринимать иначе, научимся больше радоваться жизни и учиться, учиться!

2 сентября 42 г. *Всю ночь углубляли землянку и окоп для прибора, маскировали. Очень хочется спать.*

6 сентября 42 г. *Сегодня хорошая осенняя погода. Солнце и не жарко. Ждём поверки. Настроение хорошее, праздничное. Словом, жить можно. Но о чём бы ни думал, всё возвращается к родным.*

Узнали подробности о ранении Яроша, Если он выживет, воевать уже не будет. Нам трудно было привыкать к новому комбату, всё сравнивали. Часто мне так хочется, чтобы рядом была моя Жека. Не увидеть или поговорить, а именно быть с ней вместе здесь.

Сейчас все сидят у прибора, положение № 1. Я одна в землянке, а в голову опять приходят мысли о родных. Какие лишения им приходится переносить? Уже не плачется, а, может, было бы легче.

Вчера принесли книги, есть что читать, но сержант не позволяет читать у прибора, даже когда нет цели. Мы то его уважаем, потому, что он не теряется в трудную минуту, а как обстановка разряжается, он, наоборот, придирается, кричит, и мы злимся.

7 сентября 42 г. *Сегодня ночью была тревога, и комбат сказал, что по восточной дороге прорвалось 60 танков, мы будем переходить на другую позицию.*

Утром встали после тяжёлых снов. В голову опять лезут мысли о доме. Вспомнила, что мама во время войны как-то незаметно делала так, что мне не приходилось дежурить по ночам у ворот дома. В каком я долгу перед ней. Бои не страшны, лишь бы были успешными. Лучше думать о том, что надо жить и выполнять свое солдатское дело достойно.

8 сентября 42 г. *Хотела просмотреть письма из дома, но при одном их виде стало так больно, что решила не читать.*

Сегодня у Моздока наши продвинулись на север. Но я боюсь радоваться, так как в оперативной сводке передали, что против нашей высоты сосредоточен танковый корпус.

9 сентября 42 г. *У нас генерал-лейтенант – зам наркома обороны и начальник ПВО территории страны. Они приехали, когда мы обедали, а нам показалось, что должен быть порядок.*

Вера и Каля схватили котелки и побежали к мусорной яме прятать их, а обратно возвращались ползком по-пластунски. Я схватила хлеб и тоже старалась спрятать его. Поднялся хохот. Вдруг команда: «По местам».

Посетив орудийщиков, проверяющие пришли к нам. Генерал спросил у меня, откуда, где родные. Говорил о нашей стрельбе, о технике. Я сказала, что хорошо бы для наводки применить фотоэлементы. Потом приказал выдать нам винтовки, сапоги. Сказал, чтобы укрепили блиндаж и не пропустили врагов. У него впечатление о батарее хорошее, а у нас – о нём.

10 сентября 42 г. *Нам везёт на гостей, теперь приехал генерал-майор. Мы должны быть готовы к минометному обстрелу. В батарее витает призрак Яроша, новый комбат читал его дневники. Мы все его любили, он был умницей.*

12 сентября 42 г. *Сегодня 5 месяцев, как мы в Армии.*

Командир дивизиона рассказал, что в случае прорыва мы будем первой линией обороны. За нами идёт укреплённая линия. Два дня мы вкапывались, сделали ходы сообщения, накрыли щели и замаскировались. Впереди горячие денёчки. Главное сейчас – не пропустить. Сегодня в газетах говорилось о втором фронте в сентябре. Исход войны должен решиться до зимы.

Вчера спорили с командиром взвода Смоленским о необходимости и случайности.

Сейчас была тревога, комбат был рядом, но не поздравил нас с 12-м, этот день всегда будет памятным для нас.

13 сентября 42 г. *Вчера поздравили с днём рождения воентехника Баранова, вручили цветы и подарок. Он очень обрадовался. В землянке тоже цветы, свечи. Отпраздновали американскими консервами. Ночью я стояла на часах. Сначала хотелось спать, а потом стала вспоминать довоенных ребят, которые за мной ухаживали, и стало даже весело.*

Сейчас мы в землянке, как-то расслабились, беспорядок, девочки потихоньку поют, шутят, а то вдруг стихнут – что-то вспомнилось. Забыты мелкие невзгоды дня. Все милые подружки. В такие минуты хочется любить всех.

14 сентября 42 г. *Сегодня к нам пришёл комвзвода, играл на гитаре, мы пели. Потом пришёл в гости Клейн. Мы обрадовались, давно его не видели. Он во френче, такой щёголь! Стало очень весело. Потом пришли другие. Так мы просидели до трево-*

ги. Сейчас часов 10, я одна в землянке. Навожу порядок и вспоминаю весёлый разговор. Так бывало и раньше дома, когда наводишь порядок после ухода гостей.

16 сентября 42 г. Положение № 1. Два дня строили глубокое бомбоубежище с двухметровым слоем земли, мины не пробьют. Пасмурно, рано похолодало. На нашем участке, как передавали вчера, сначала отступили, а сегодня, кажется, взяли два пункта.

21 сентября 42 г. Теперь у меня четыре треугольника, как у старшины, вроде начальство. Можно не ходить в наряд, не дежурить по землянке, но я решила совмещать новые обязанности со старыми, не люблю командовать, лучше делать дело.

Похоже, всё-таки фашисты выдыхаются, наступления на нашем направлении пока не началось.

22 сентября 42 г. Сегодня мы узнали хорошие новости – бои под Пятигорском и Краснодаром, почти окружили Моздок. Может, месяца через два будем в Ростове!

Мы изучили все виды стрельб, обустроили надёжно позицию. На днях была на КП, обратно возвращалась ночью одна. Горы, луна, а где-то стрельба – война.

Сегодня мы не занимались. Пришла Рая, она на ДКП-3 (дивизионный командный пункт). Разговаривали, смеялись, и вдруг начали петь песню, которую узнали от неё в саду Злодейской, когда нам сообщили о ранении Яроша. Это нам напомнило многое, у всех блестели глаза. Сейчас Рая уже ушла, а мы сидим и поём. В такие минуты мы все чувствуем наше общее, что не передать словами. Это и заметил наш гость, командир 6-й батареи – одни мысли, один дух.

Повысились требования к дисциплине, входит в силу приказ № 227. Стать настоящими красноармейцами нам трудно может потому, что мы долго ходили в своей одежде и к нам не сразу стали относиться как к солдатам. Наш сержант насаждает дисциплину своими способами, например, строевой, и, вообще, он знает, чем на нас воздействовать. Сейчас мы стали относиться к нему строго по Уставу, надо было так давно.

Игорю присвоили звание старшего сержанта, мы рады за него, рады, что у него дела идут хорошо на всех фронтах. Вспоминаем, как Игорь в каждом разговоре умел дать нам что-то новое, интересное, умел увлечь любым делом, Мы с азартом вы-

полняли все свои обязанности – и дневальных, и дежурных по кухне, с задором делали зарядку. И всё с праздничным настроем, стараясь, чтобы ему было приятно. Помню, однажды не все успели на построение, он же не ругал нас, а просто сказал: «Похоже, не все...», и мы вставали раньше, чтобы быстрее всех быть в строю. Какой это человек! Он умел, не выделяя никого, обратить внимание на что-то личное и сделать приятное иногда мимолётным замечанием.

26 сентября 42 г. Смотрела фотографии, мама улыбается, будто хочет что-то сказать. Казалось, подниму глаза и увижу нашу комнату, это промелькнуло, один миг, будто побывала дома. Я не думаю о завтрашнем дне, но мы часто мечтаем о будущем. Какие идеалисты! Но ведь мы молодые и ждём от жизни лучшего.

Уже холодно по ночам, утром моросит. Туман заполняет долину, лощину, потом, поднимаясь на холм, тает. Красиво! Фронт будто стабилизировался. Может быть, если не подведут союзники, нам не придётся драться с наземным противником.

3 октября 42 г. Пока тихо. Вчера у нас был концерт украинского ансамбля, он посетит все батареи. Валя ездила на 6-ю батарею и с совещания приехала с хорошими вестями о положении на фронтах, но у нас всё равно слышны раскаты боёв.

Мы получили 8 винтовок и по две гранаты.

4 октября 42 г. Вчера вечером меня вызвал комбат. Начальник штаба полка устроил опрос, задал три заковыристых вопроса. Я, не спеша, подумав, чтобы нельзя было придаться, отвечала, как будто говорила формулы. Девочки были довольны, что отвечала я. Это второй раз, когда меня спрашивают за всё отделение. Как-то я отвечала двум полковникам на самые разные вопросы, не терялась, но многое брала просто смекалкой. Вообще, со стороны думают, что я всё хорошо знаю, быстро разбираюсь и всё могу объяснить, а я просто догадываюсь. Но похвалы вернули мне хорошее настроение, прошла тупая хандра, появилась энергия, надежда на лучшее.

Вчера я осталась за комиссара и строила батарею на беседе. Понимая, что не строевик и это будет смешно, сама смеясь, бойко доложила начальнику штаба

Вечером спросила у девушек, как выглядел мой доклад. Каля сказала, что все смотрели с умилением и говорили, что так

могут только **наши** прибористы! Комбат сначала злился на меня за весёлый рапорт. Наша дружба вызывает симпатию у всех, кто с нами знакомится ближе, и комбат гордится нами, но часто она мешает ему манипулировать нами. В полку нас узнают и по беретам, которые мы сшили из шинели по моей выкройке. Удивительно, но нас не ругают за нарушение формы.

5 октября 42 г. Вчера было совещание агитаторов. После завели патефон. Это напомнило прошлое. Комбат обещал устроить на батарее танцы, если займём первое место. Так хочется праздника! Вспомнила встречу этого Нового года, начало занятий в университете с января после оккупации города. Будем ли мы ещё учиться? Так хочется, ведь постоянно узнаёшь много нового, интересного, важного. Что будет после войны?

Каля с сержантом спорили о схеме прибора, попросили меня помочь. Я объяснила всё с начала до конца. У Кали возникали глубокие вопросы. Я подумала, что плохо разбираюсь, если не вижу их. Но получается так, что начну объяснять и во всём сама дохожу до разгадки. Когда Каля назвала меня умной, я сама удивилась. Вот уж не думала, что так может оценить меня самая мудрая и лучшая из наших девочек. Я же себя представляю нецельной, многое во мне самой не нравится, поэтому искренне смущаюсь, слыша комплименты.

Валя же подметила, что я мало думаю о ней, потому что в семье росла одна. Но я ценю в людях благородство, а у Вали его маловато. Она очень чутко реагирует на отношение к себе, но совсем не ощущает обид, наносимых ею другим. С ней могла бы поспорить моя Жека, с которой мы дружим уже много лет, она же знает меня лучше.

12 октября 42 г. Сегодня 6 месяцев, как мы в Армии, целые полгода! Когда я уезжала на фронт, то совсем не думала, о будущем, не представляла, что смогу потерять маму, Вику, папу. Собиралась легко, шутя. Жаль было расставаться с учёбой, ведь уже готовились к экзаменам. Казалось, что война – короткая перемена в жизни, что скоро всё это кончится и заживём по-старому, мирно.

Прошло полгода, а я не знаю, может, потеряла всех. Теперь одна надежда – скорее освободить Ростов. Я уже взрослый человек, многому научилась и смогу сделать так, чтобы родные были счастливы, чтобы Вика выросла хорошим человеком.

Вдруг налетело много самолётов, и двумя полками мы сбили 28! После бомбёжки два дня горели нефтяные баки, солнце стало холодной луной, день – вечером. Хлопья копоти падали на всё, зарево освещало небо как ночью. Ждали наземного противника, но с нашей стороны пока спокойно. За стрельбы мы получили благодарность от командования.

Хорошо, что успели обустроить землянку, теперь она уютная, тепло будет зимовать здесь, а может всё же начнётся наступление и возьмём Ростов?

13 октября 42 г. Ночью была тревога. Я побежала сменить на посту Рамазана и не захватила каску. Прожектористы ловили цели лучше, и мы стреляли много и хорошо.

Батарея выброшена за переднюю линию обороны, поэтому первыми ловили цели и первыми открывали огонь. Небо разрывалось от снарядов, осколки летели сверху, некоторые жужжали как мухи. Я слушала и по звуку переходила с места на место, а они падали совсем близко. Почему-то мне казалось, что осколок срежет нос, и я закрывала голову прикладом винтовки. А ведь во время работы не лезут в голову такие глупые мысли.

Красивое зрелище – пойманный лучом самолёт, когда работаешь на приборе, этого не видишь. Белые ленты лучей режут небо от горизонта до горизонта на фоне черного звёздного неба. Недалеко от батареи сбросили 7 бомб, но ни одна не разорвалась!

Сегодня за завтраком на меня наехало, захотелось покапризничать, не думать. Понимаю, что в коллективе это недопустимо, здесь права уравниваются и отношения строятся на взаимном уважении. Девочки не обиделись на меня. Может потому, что я следом взялась смастерить бра для освещения землянки из колпачка от снаряда и проволоки. Даже Валя, с которой мы недавно спорили, сказала, что меня надо расцеловать за изобретательность. Я удивилась, что простые поделки могут восхищать.

Может, наша школа оторвана от жизни, из неё выходят непрактичные люди. Если у нас произойдёт качественный поворот в войне, мы обязательно шагнём быстро вперёд. Весь запад нашей страны разрушен, надо будет создавать всё и на другом техническом уровне, сказки станут былью.

Сейчас вечер, Валя и Вера собираются в дозор. Когда они ушли, мы заговорили о полугодовой дате. У Кали появились слёзы, всем стало грустно. И так у нас всегда: то смех до боли, то грусть до слёз. А мы хорошо умеем смеяться, одна Каля что стоит, из неё юмор просто бьёт фонтаном. Глаза у всех блестят, всё получается остроумно, мило, и любой от души веселится с нами.

Холодно. Все спят, а мне не хочется ложиться, могут объявить тревогу. Догорает свеча в самодельном подсвечнике. У нас уютно, на столе скатерть, винтовки закрыты занавеской из простыни, чисто. Такая обстановка навеивает воспоминания. Часто думаю о Володе М. В школе мы дружили три года, но так, что скучали друг без друга, а встретившись, ссорились. Мне же было приятно видеть, как он ко мне относился. А теперь, когда Жека старается нас помирить, уговаривая написать ему в Севастополь, я тоже поддаюсь этому.

17 октября 42 г. 14-го был холодный ветреный день, я с младшими командирами занималась у пушек. Вдруг объявили «отбой-поход». Вот уж не ожидали! Жалко расставаться с землянкой, такая она хорошая, уютная, столько труда в неё вложено. Правда, мелькнула мысль – может быть, поедem вперёд к фронту. Потом узнали, что меняемcя с 9 батареей, так как у нас лучшее в полку оборудование.

Новое место оказалось хуже, землянка грязная, метрах в двадцати от прибора. Немножко очистили и спать.

Утром пошёл дождь, лил весь день. Работы по оборудованию продолжались, мы вымокли как куры. Только сегодня вечером освободились.

Мне очень не хватает учебника, написала в Москву на заочные курсы стенографии, надо доучиться скорописи. Это так важно, ведь в университете придётся много догонять, а она очень облегчит учёбу.

После войны мы будем мастерами на все руки, сегодня была столяром, сколотила стол и раму на окно землянки.

Читала «9 точек», получила большое удовольствие.

24 октября 42 г. Комбат часто приходит к нам, долго разговариваем обо всём. Но когда он нас хвалит, делается страшно, ведь если мы в чём-либо ошибёмся, будет плохо. Зато сейчас нам не говорят, что у нас ложная дружба, ставят в пример.

25 октября 42 г. Вчера в горах выпал снег, а у нас утром вся трава покрылась инеем, нос и щёки щипал мороз. Нам понравилось умываться на морозе. Сегодня целый день мы занимались, повторяли всё. Сержант у себя, к нам почти не заходит. Он не в себе, когда комбат нас хвалит, это очень осложняет нашу жизнь. Ребята подкусывают нас, девочки других отделений завидуют и сплетничают.

28 октября 42 г. Вчера была полковая поверка. Всё в порядке, но указали на недостатки по военным законам. Неприятно, но старые солдаты нас успокаивают.

Обрадовала весть, что уже нет Моздокского направления, где мы были кинжальной батареей впереди линии обороны.

Так совпало, что я расшифровывала это сообщение в дни празднования 65-летия окончания Сталинградской битвы. Значит, наступление на нашем фронте не состоялось потому, что те танки, которые должны были смять нашу оборону, пришлось перебросить на тот фронт. Мы обязаны жизнью погибшим от этих танков под Сталинградом.

Фронт уходил от нас на север, бои идут под Туапсе, а мы в тылу, нас туда не берут. Мы очень переживаем, ведь надеялись, что будем отвоёвывать наш Ростов.

29 октября 42 г. Готовимся к 25-й годовщине Октября. Будет самодеятельность.

Валя ездила не 5 батарею, виделась с Катей Антиповой. Я её не знаю, но она знакома с Лукашевичами. С младшей из четырёх сестёр училась и дружила Вика. Катя сообщила, что старшая сестра Надя, которая служила в прожбате, погибла во время переезда, а Катя получила письмо от её родных из эвакуации и не знает, что ответить.

1 ноября 42 г. Я была в полку, сидела на машине в городе и наблюдала за прохожими. Вот юноша, очень хорошее, но бледное лицо. Он без ноги. Идёт молодая, хорошо одетая девушка с грубым вещмешком за плечами рыть укрепления за городом. Так на каждом шагу видна война даже в тыловом городе. Вдруг вижу женщину очень похожую на маму, она прошла и я вижу её спину. Понимаю, что не она, но хочется закричать: «Мама!».

. Комбат часто рассказывал о своей жизни, о жене, но, получив телеграмму о смерти маленького сына, замкнулся, мало выходит из землянки.

5 ноября 42 г. Все дни готовимся к седьмому. Пишу плакаты, выпустила «Боевой листок», репетиции, наведение порядка. Вокруг суета и шум. Но это в промежутках между тревогами.

9 ноября 42 г. Праздник Октября прошёл хорошо, Утром было собрание, потом танцевали. Я получила благодарность по дивизиону. После обеда – самодеятельность. Каля вела конференс и создала такую обстановку, что всем было весело и очень мило. Концерт шёл до темноты, даже не все номера успели пропустить. Мы все с цветами в волосах веселились от души и старались друг в друге поддерживать праздничное настроение. Иногда казалось, будто мы на вечере в университете.

Восьмого не занимались, отмечали 10-летие полка. В горах выпал снег, а вчера и у нас всё побелело. В землянке тепло. Мы долго разговаривали о прошлом, мечтали о будущем, о переменах, которые должна принести эта зима. У нас всегда есть о чём поговорить, рассказать ещё не рассказанное.

11 ноября 42 г. Вчера принесли записку от Кати Антиповой. Она получила письмо от родных из эвакуации, в котором те писали, что мои и Лукашевич собирались эвакуироваться вместе. Меня это обрадовало, а потом встревожило, ведь я тоже получала бы письма.

24 ноября 42 г. У наших успехи под Сталинградом, может быть зимой будем в Ростове. Сегодня нам привезли «Руслана и Людмилу», крутят под открытым небом, это возможно, потому, что нас пока не тревожат, Правда, бывало и так, что фильм шёл с перерывами, когда где-то появлялся вражеский самолёт. Эти редкие сеансы мы смотрим с жадностью, с восхищением, ведь там всё близкое, родное.

25 ноября 42 г. Павлина получила письмо от подруг. У них пустая жизнь – гоняются за туфлями, за женихами. Хорошо, что мы здесь и наша жизнь имеет смысл.

29 ноября 42 г. Сегодня утром комбат сообщил о прорыве фашистов на нашем участке фронта.

1 декабря 42 г. А мне присвоили звание старшего сержанта. Получила письмо от Жеки. Хочется весточки из Ростова.

8 декабря 42 г. Завтра день рождения Кали, нужно придумать, что подарить ей, чтобы сделать его приятным, памятным. Сейчас ночь, я проснулась, чтобы повесить около Кали

свой подарок. Сделала головку негритёнка, а так хотелось подарить что-нибудь лучше.

Опять комиссар не даёт мне покоя. Какой тяжёлый человек и как трудно в наших условиях терпеть это противостояние, ведь мы так зависим от старших по званию. Выручает только то, что мы не даём друг друга в обиду. Как-то вызывает комбат к себе Марию и Павлину, понятно, командирам хочется потанцевать. Мы же снарядили их по всей форме: противогаз, винтовка, подсумок с патронами. Вечер сорвался, а мы гордо перенесли несколько учебных тревог ночью.

11 декабря 42 г. Как хорошо прошёл Калинин день. К нам пришли гости из 6-й батареи. Это большая радость. Вечером танцевали в большой землянке комбата и долго сидели у нас.

Теперь нет нашей самой главной работы – фронт отодвинулся, самолёты почти не долетают, появилось время. Живём по распорядку, занимаемся не только прибором и уставом, но и самообразованием. Как много времени потеряно без университета, без учёбы! Но мы стараемся, вчера начали с Калей учить английский язык

И всё же мне не хватает времени, надо быть организованнее. На занятиях можно использовать перерывы для чтения, после обеда заниматься английским языком или стенографией, потом служебными делами, после ужина – чтение.

Сегодня приходил заведующий клубом, это человек уровня Игоря, с ним очень интересно. Он удивлялся и восхищался нами, говорил, что нигде нет таких, как мы, обещал прислать хороших книг, учебник английского языка.

Мы часто удивляемся, почему люди со стороны так восторженно отзываются о нас. Мы же такие разные, просто условия жизни сблизили нас в единое целое.

Конечно, основную роль у нас играет Каля, её житейская мудрость, чуткость и жизнерадостность. Когда она обращала внимание кого-нибудь на что-то отрицательное, это не воспринималось с обидой, и виноватый, и остальные понимали замечание и принимали его. Потом такой стиль общения усвоили и другие, он становился нормой.

Мы как-то произвольно использовали широкую палитру наших возможностей. Когда появлялся интересный собеседник, мы раскрывались с самых разных сторон и, не сговариваясь, сло-

во отдавали тому из нас, кто силён в той или иной области. Например, о технике слово было за мной и Сашей, о литературе или музыке – тут эрудицией поражала Вера, неожиданное видение самых обычных обстоятельств с неиссякаемым юмором выдавала Каля, Муся и Валя были инициаторами пения. Может, поэтому создавалась картинка умных, дружных, милых девчат. Это же вызывало ревность и зависть, за что нам перепадало, но мы с достоинством держали марку лучшего отделения на батарее.

15 декабря 42 г. Сегодня прочитала статью Эренбурга «Зрелость». Её не хочется просто перечитывать, её надо пере-думать, пережить. Кажется, он обобщил, округлил все наши мысли, дошёл до самой глубины их.

18 декабря 42 г. Получила условия приёма на заочные курсы стенографии и отправила документы. Английский язык занимает всё свободное время.

31 декабря 42 г. Сейчас кончился концерт самодеятельности, это было наше лучшее выступление, но не все поняли юмор и первое место отдали третьему орудийному расчёту. Переживём. Весь новогодний вечер мы вспоминали о прошлом, о родных, выпили за будущее, смотрели фотографии.

2 января 43 г. Комбат злится на нас, раз пять ночью поднимал по тревоге. Что за человек, то наизнанку выворачивает нам свою душу, то без причины заставляет сидеть ночь у прибора. Мы же на это отвечаем весельем. Поползли гадкие сплетни о нас. Но наша сплочённость – верный защитник от разных притязаний. Пусть злятся, мы отделались только плохим настроением.

На фронте хорошие успехи, ждём взятия Ростова, сожалеем, что мы не там.

7 января 43 г. Вчера было сыро, а ночью выпал снег, глубокий, пушистый. Вчера же взяли Цимлу. Я написала тёте Ксене, тёте Нюре и в Оренбург маминым родным.

После обеда обычно вызывает комиссар «по работе», начинается с объяснений, а кончается ссорой, и я ухожу. Тяжело и надоело, но ничего не поделаешь. Вчера вызвал второй раз, но пришёл комбат, и я смогла уйти.

14 января 43 г. 11-го взяли Пятигорск, скорее бы Ростов! Мы собирались отметить «Старый новый год», но вдруг тревога, угроза нападения. И всю ночь вели заградительный огонь.

2 февраля 43 г. Получила письмо от соседки по квартире из эвакуации и узнала, что моя мама и её сын остались в Ростове. С неделю мама ждала машину и не дождалась. Что думать? Только ждать. Ещё соседка видела папу у станции Прохладной. Он ехал в машине и они узнали друг друга.

Очень жаль, что нет рядом Жеки, она далеко в эвакуации, а мне трудно решать многое, так нужен её совет. Может, найду папу, и он посоветует, как мне быть, если бы перевестись к нему и избавиться от назойливого ухаждёра.

Ждём взятия Ростова, ведь мы туда поедем.

7 февраля 43 г. Вчера Мусе исполнился 21 год. Нам никто не докучал, но после обеда пришёл комбат, и день стал не наш. Легли спать рано, зато ночью сообщили, что взят Батайск, а это в семи километрах от Ростова!

Приходил наш бывший взводный и хормейстер Клейн. Он в другом полку под Орджоникидзе, сбил 6 самолётов, имеет трофейную пушку МЗА (малую зенитную). Теперь он комбат, они идут с фронтом вперёд. Счастливые! Все приходили к нам, радовались и готовы были ехать с ним. Куда угодно, только вперёд!

Пришёл комбат, скривил губы и отправил всех на занятия.

11 февраля 43 г. Ночью снилась мама. Ждём команды «отбой-вперёд». По тревоге собрались медленнее, не все надели каски, взяли противогазы, словом, засыпались. Теперь получили сполна: 16 часов занятий, ночные тревоги, ещё дежурство на двух постах. Настроение ужасное, ничего не хочется, с комиссаром полный раздор, хуже всё равно не будет.

13 февраля 43 г. По радио передали об уличных боях в Ростове. Говорят, что мы скоро поедем вперёд, какая красота! Взятые Шахты. В полку готовятся к отъезду. Как трудно сидеть в тылу!

14 февраля 43 г. Сегодня в 22-30 сообщили, что Ростов взят! Такую радость я едва когда-нибудь испытывала! Но радость не буйная, беззаботная, а глубокая, потрясающая, переходящая в грусть. В мозгу мелькали картинки города, дома, родных, но есть ли всё это? Просто кошмар, страшно всё в этот

момент. Вспомнила мамины руки – смуглые, худенькие, они все делали для нас. Ну, зачем так тяжело в этот радостный день!

19 февраля 43 г. Вчера разнеслись слухи, будто мы едем в Баку. Какой кошмар! Кто на фронт, а мы в тыл! Это настолько невероятно, что просто не хочется верить. Сегодня была проверка, прошла хорошо, мы никогда не подводим батарею. Я получила благодарность.

25 февраля 43 г. Слава Богу, в Баку, кажется, не поедет. Значит, хоть и не сейчас, но всё же вперёд. 23-го был концерт полковой самодеятельности, Валя выступила очень хорошо и ей вручили грамоту.

О Ростове передают такие ужасы, просто страшно.

26 февраля 43 г. Сегодня день рождения Вали. Я написала пожелание, которое ей понравилось больше, чем мне:

Когда-нибудь пройдут года
 Возьмёшь ты листик пожелтевший
 И вспомнишь, может быть, тогда
 Ты день давно уж пролетевший.
 Землянку вспомнишь и друзей,
 И вечер накануне выступленья,
 Успех пьянящий юности твоей,
 Триумф, приятное волненье.
 Ростов ты вспомнишь дорогой,
 Истерзанный, измученный врагами,
 Родные камни мостовой,
 Что ничего не знала ты о маме.
 Желаем, чтоб кошмар войны
 Скорее мимо проносился,
 Чтобы на юности твоей
 Тяжёлым камнем не ложился.
 Желаем мы тебе, чтоб вновь
 От мамы письма получала,
 Желаем мы, чтобы любовь
 С лихвою сердце наполняло.

3 марта 43 г. Первого была именинница Саша. Она получила драгоценный подарок – письмо от папы. Он железнодорож-

ник, едет из Баку в Ростов, может, побывает и у нас. Это было бы подарком для всех.

Здесь уже весна. Дежурила ночью, а после мне приснилось, будто я получила письмо от мамы, у них всё в порядке, лишь волнуется обо мне. Такой чудесный, радостный сон! Письмо было бы лучшим подарком к моему Дню рождения.

С комиссаром веду себя вызывающе, чтобы избавиться от назойливых ухаживаний, а о деле говорю официальным тоном.

7 марта 43 г. Мне уже 21! Это же и мамин день, как она?

Девушки подарили мне много подснежников, Валя тоже написала стихотворное поздравление. Когда я вышла из землянки, все поздравляли. Вернувшись, увидела, что в землянке празднично убрано, на столе подарки. Спасибо девочкам!

Занятий в этот день не было. Вечером пришли гости из других отделений.

Ночью проснулась и читала греческие драмы.

24 марта 43 г. Какой праздничный, какой счастливый день! Я получила две телеграммы – мама, Вика, папа живы и здоровы! Свалился с плеч камень, который столько времени не давал покоя ни на секунду! Или они виделись или списались, не знаю, но всё хорошо! Эту телеграмму принесла вечером Каля: «Мы и папа живы!»! Какая пронзительная радость, ведь это всё, что можно было только желать!

Я ничего не стала делать, легла и спокойно, как дома, безмятежно уснула. Теперь так хочется жить, ведь опять получу письмо, написанное маминной рукой, получу от папы, напишу Вике! Какая я счастливая!

26 марта 43 г. Получила открытку из дома. В нашу квартиру попала бомба, пробилла все три этажа, но не разорвалась. Поэтому мама переехала в нашу прошлую, но уже двухкомнатную квартиру. Её занимала женщина, которая купила вторую комнату у соседей, а теперь уехала с оккупантами. Папа в гвардейском полку, Вика учится. Может, удастся побывать дома!

4 апреля 43 г. Вчера получила вторую открытку от мамы. Она сообщила, что мама Ани умерла от брюшного тифа в госпитале. Об этом я сказала только Мусе и Саше, но Аня, навер-

ное, что-то чувствует, не находит себе места. По радио поёт Шульженко раздирающие душу песни.

И ещё одно горе – папу Веры и его первую жену, которые пытались уехать от оккупации, расстреляли недалеко от нас у стекольного завода Минвод с большой группой евреев.

8 апреля 43 г. Аня ещё ничего не знает и жутко слушать, как она рассказывает о маме. Как всё это пережить?

Надо меньше думать, больше читать, ведь мы уже так много потеряли за этот год, прервав учёбу в университете.

На этом мои записи стали редкими, да и о чём было писать? Эти нечитаемые посторонними стенограммы были для меня, интраверта, отдушиной, разговором с собой, не предназначались для чьих-то глаз. Володя, сын двоюродной сестры Вали, подарил нашу родословную. Теперь захотелось вспомнить и добавить к схеме факты из жизни нашей семьи.

Многие просьбы заставили взяться за расшифровку и фронтовых стенограмм. Оказалось, что это важно и для меня – прожила и пережила прошлое. Может это будет интересно родным и тем, о ком пишу, хотя многих уже нет.

А пока наши надежды попасть на фронт таяли, ведь мы выполняли основные задачи войск ПВО – охраняли стратегические объекты – нефтяные вышки, без чего не было бы победы.

И всё же какая невыносимая жизнь в тылу, ведь мы могли ещё быть полезными на передовой, у нас же опыт!

Одного за другим меняли командиров и солдат оружейных отделений, они уезжали туда, куда так рвались все. Вместо них приходили сначала молодые ребята с Кавказа, а потом совсем мальчики из Средней Азии. Мы же оставались на месте, занимаясь тупой работой: драили свой прибор управления огнём, долбили положения Устава и правил стрельбы, занимались строевой. Это было невыносимо!

Шло время. Мы написали письмо в город Ош, куда эвакуировался университет, в ответ получили приглашение на сессию, это же соль на раны! Приезжал папа Саши, рассказывал, какая тяжёлая жизнь в тылу, убеждал нас успокоиться и ждать. Дождались не все, ведь только осенью 1944 года полк отбыл в Западную Европу, но в боях больше не участвовал.

Теперь обстановка у нас изменилась. Новый комбат, весельчак и душа любой компании не докучал нам, а наоборот, скоро без разрешения командования он и Каля зарегистрировались. Был большой разнос, его перевели, а нового строго-настроено предупредили. Усилился контроль, внезапные проверки, но через полгода и новый комбат доложил, что я его законная жена. Правда, остальные девочки отложили свадьбы до Победы.

Что было... Что будет?

А будет вот что:

После демобилизации продолжают учёбу и получают дипломы химфака Саша, Аня и Женя. Валя окончит биофак, Вера филфак. Каля выйдет замуж за нашего комбата, Аня – за воентехника, Павлина – за нашего сержанта. Женя уже после окончания университета выйдет за однокурсника. Вера уедет к маме в Москву и выйдет за коллегу. У Кали, Жени, Ани, Веры и Павлины родятся по дочке и сыну, у Муси и Вали только по одному сыну. Саша выйдет замуж позже, жить они будут молодо, будто навёрстывая упущенное время, много сил отдаст она общественной работ в Совете ветеранов и города, и нашего полка.

У меня будет всё иначе: уже в 1945 году родятся близнецы, муж продолжит служить за границей, но его вскоре переведут поближе к Ростову, а потом часть переедет сюда. Сначала, пока сыновья маленькие, окончу второй курс, чтобы овладеть большей скоростью стенографирования. Директором этих курсов облОНО Ростова-на-Дону будет замечательный человек и высочайший профессионал О.С. Акопян. После окончания курсов я приму предложение преподавать стенографию и русский язык, поэтому не вернусь в университет, а поступлю в пединститут. Там тогда Оганес Степанович на филфаке будет вести курс стенографии. Благодаря скорописи, несмотря на то, что буду работать и растить малышей, окончу вуз на год быстрее, о чём мечтала ещё на фронте.

Как и в школьные годы продолжу интересоваться многим. Сначала, чтобы делать письменные расшифровки, поступлю на курсы машинописи. Моя любовь к живописи приведёт на курсы художественной вышивки и у нас будут висеть вышитые картины репродукций Шишкина и Хруцкого. Когда беспартийного директора сменит новый и закроет отделение стенографии, пойду преподавать в одном Доме культуры машинную вышивку. Замечательные работы учениц по моим рисункам будут выставляться на конкурсах. В годы дефицита поступлю на курсы машинного вязания, Одну всю семью вещами, сделанными по своим фасонам и рисункам, а у внуков будут целые гарнитуры в полном наборе.

Когда мужа переведут служить на Камчатку, а ребята поступят в строительный институт, оставлю их с мамой и поеду к нему. Меня будут ждать жёны офицеров, с их специальностями в дальнем гарнизоне не найти работы, и в Доме культуры я начну учить их машинописи.

Красоты Камчатки вернут меня к освоенной ещё в школьные годы фотографии. Но захочется большего, и я начну осваивать премудрости в кружке кинолюбителей. Плёнки для проявления сначала придется посылать в Ленинград, а потом научусь делать это сама. А через много лет их переведут на кассеты и позже на диски.

Ребят со второго курса института заберут в Армию, а когда потом доучатся, их распределят на Украину – Валерия на производство, а Юрия

преподавателем в техникум. Он к этому времени женится и, получив там квартиру, проработает более 40 лет, ведь возвращение домой будет очень сложным и непредсказуемым в связи со сложностью получения гражданства России. Валерий же, отработав 3 года, вернётся домой и поступит преподавателем тоже в ростовский техникум. Это будет в нашей семье уже третье поколение педагогов.

Ещё не зная, что преподавание по системе Оганеса Степановича разрешено, решуь вести кружок в школе и курс стенографии в медучилище. ведь там не поймут, что преподают не по «Единой государственной». К моему удивлению, после восьмилетнего преподавания по ГЕС, новую систему школьники будут осваивать быстрее, чем я!

В Ростове в эти годы по новой системе ученицы Оганеса Степановича, с разрешения министерства будут преподавать в школе № 33. Количество учебных часов в программе с подачи московских специалистов ГЕСС будет таким большим, что ростовские школьницы покажут скорость письма 115 слов в минуту. А выпускная скорость на профессиональных курсах 90 слов! Присланный из Москвы проверяющий вынужден будет доложить там, что результаты «превзошли все ожидания». Вернувшись в Ростов, открою курсы стенографии. Срок обучения профессионалов сократится вдвое!

Когда же начнёт широко распространяться звукозапись, престижная когда-то должность стенографистки станет исчезать, в издательстве университета издадут и мою маленькую книжечку «Краткий курс стенографии». Понимая, что рациональное письмо теперь, прежде всего, может помочь студенту при освоении новых знаний и в любой работе творческому человеку, буду работать над созданием пособий, позволяющих освоить скоропись не за годы, а за месяцы, но уже в паре с сыном Валерием. Зная, как полезна скоропись, я всю жизнь буду стараться учить молодых, не избежали этой участи и сыновья

Мои ученики из межшкольного комбината трудового обучения поедут на международный ученический конкурс скорописи в Болгарию. А Наташа Лашина удивит всех тем, что после всего 30 занятий запишет текст со скоростью 60 слов в минуту, не сделав в расшифровке ни одной ошибки! Моя ученица Ольга Топилина победит на конкурсе, показав результат – 120 слов в минуту, а её ученица позже превзойдёт и её.

Так стенография будет моим пожизненным увлечением, любимым занятием, полем для творчества, частицей жизненного счастья. Потом каждый раз в дни Победы, рассказывая молодым о войне, я буду убеждать любить избранное дело и утверждать на своём примере, что это продлевает жизнь!

Первые очень тяжёлые годы после войны после демобилизации мы будем заняты учёбой и обустройством семейной жизни, встречи будут не частыми. Позже, кроме Марии и Веры, в Москву приедут после окончания Ростовского университета Аня и Женя, и мы станем чаще навещаться туда. А когда ростовчане образуют Совет ветеранов полка,

к нам будут съезжаться однополчане из всех уголков СССР. Особенно радушно нас будут встречать в Каменске и Лихой, где мы получили первое боевое крещение.

Мне выпадет продолжить дело своего учителя. И проработаю я учителем стенографии в школах, училищах и вузах более 50 лет, отредактирую последний учебник Оганеса Степановича, сама выпущу десять учебников и последние пособия «Помоги себе учиться. Стенография и компьютерная скоропись», «Помоги себе учиться. 10 уроков стенографии» для трёхмесячных курсов выведет в Интернет мой главный компьютерный консультант ещё со школьных лет правнук Олег.

Будет очень жалко, что такое замечательное рациональное письмо с распространением звукозаписи станет исчезать. Ведь это часть общечеловеческой культуры, насчитывающей тысячелетнюю историю. Скоропись может быть полезной наряду с другими современными способами фиксации информации. Возможность уже в процессе лекции полнее осмыслить учебный материал и написать самый умный конспект, зафиксировать гениальную мысль – большое преимущество овладевшего скорописью. Это всегда вызывает удивление и уважение окружающих.

Когда мы постареем, встречаться придётся реже, будем смотреть фотографии, любительские кинофильмы послевоенных встреч. На моё девяностолетие соберутся все родные, друзья и удивят меня приятным сюрпризом – пригласят на праздник казачий ансамбль. К этому времени подруг-однополчан останется только трое, я, Саша и Каля. Тогда мы с помощью детей, внуков и даже всезнающих правнуков будем общаться с помощью Интернета, вспоминать прожитое, и тех, кого уже нет с нами. Ведь приходим мы в этот мир на время, а уходим навсегда...

2006-2009 и 2014гг.

Губская Елена
Константиновна

Что было... Что будет?

А будет вот что:

После демобилизации продолжают учёбу и получают дипломы химфака Саша, Аня и Женя. Валя окончит биофак, Вера филфак. Каля выйдет замуж за нашего комбата Юрия, Аня – за воентехника, Павлина – за нашего воентехника. Женя уже после окончания университета выйдет за однокурсника. Вера уедет к маме в Москву и выйдет за коллегу. У Кали, Жени, Ани, Веры и Павлины родятся по дочке и сыну, у Муси и Вали только по одному сыну. Саша выйдет замуж позже, жить они будут молодо, будто навёрстывая упущенное время, много сил отдаст она общественной работе в Совете ветеранов и города, и нашего полка.

У меня будет всё иначе: уже в 1945 году родятся близнецы, муж продолжит служить, но его вскоре переведут поближе к Ростову, а потом часть переедет сюда. Сначала я доучусь на курсах стенографии, открытых при ОбЛОНО ещё в довоенные годы и восстановленные после побёжки замечательным человеком и высочайшим профессионалом О.С. Акопьяном. Он пригласит меня преподавать, поэтому я не вернусь в университет, а поступлю в пединститут, где тогда Оганес Степанович будет вести на филфаке курс стенографии. Благодаря скорописи, несмотря на то, что буду работать и растить малышей, окончу вуз на год быстрее, о чём мечтала ещё на фронте.

Как и в школьные годы продолжу интересоваться многим, окончу не одни курсы и кружки. Сначала, чтобы делать письменные расшифровки, поступлю на курсы машинописи при Доме офицеров. Моя любовь к живописи приведёт на курсы художественной вышивки и до сих пор у нас будут висеть вышитые картины репродукций Шишкина и Хруцкого. Потом беспартийного директора сменит новый и закроет стенографию. Тогда я пойду преподавать в Доме культуры энергетиков машинную вышивку. Замечательные работы учениц по моим рисункам будут выставляться на конкурсах. В годы дефицита поступлю на курсы машинного вязания, Одну всю семью вещами, сделанными по своим фасонам и рисункам, а у внуков будут целые гарнитуры в полном наборе.

Когда мужа переведут служить на Камчатку, а ребята поступят в строительный институт, оставлю их с мамой и поеду к нему. Меня будут ждать жёны офицеров, ведь с их специальностями в дальнем гарнизоне не найти работы, и в Доме культуры я начну учить их машинописи.

Красоты Камчатки вернут меня к освоенной ещё в школьные годы фотографии. Но захочется большего, и я начну осваивать премудрости в кружке кинолюбителей. Плёнки для проявления сначала придется посылать в Ленинград, а потом научусь делать это сама. А через много лет их переведут на кассеты и позже на диски.

Когда же в издательстве Ростовского университета выйдет учебник по новой замечательной системе Оганеса Степановича. построенной на

основе русского рукописного алфавита, я на Камчатке попробую в школе вести кружок, ведь там не поймут, что преподают не по «Единой государственной». К моему удивлению, после восьмилетнего преподавания по ГЕС, новую систему школьники будут осваивать быстрее, чем я! Тогда в учебных планах медучилищ был курс стенографии, туда пригласили и меня. Сначала я ездила туда из Елизова, а это 30 километров! Потом мужа переведут в штаб, и мы переедем в Петропавловск.

А в Ростове, в школе № 33, где будет преподавать стенографию ученица Оганеса Степановича, его система на практике покажет высокие результаты, недостижимые для старой системы. Ученики на экзаменах достигнут скорости 115 слов в минуту! Присланный из Москвы проверяющий с целью похоронить конкурентов вынужден будет доложить там, что результаты «превзошли все ожидания» и запретить систему уже будет нельзя.

Вернувшись в Ростов, я открою курсы стенографии уже по системе Акопяна. Срок обучения профессионалов сократится вдвое. Мне придётся редактировать посмертное пятое издание книги Учителя. Когда же начнёт широко распространяться звукозапись, престижная когда-то должность стенографистки станет исчезать. Тогда в издательстве университета выпустят мою маленькую книжечку «Краткий курс стенографии», ведь рациональное письмо, прежде всего, поможет при освоении новых знаний, потом пригодится в любой творческой работе каждому, выручит и забывчивого пенсионера. А пока можно видеть, как на самых высоких совещаниях участники, торопясь, пишут медленным традиционным письмом, когда вместо одного слова можно написать целую фразу!

Потом начнут выходить из печати и другие мои учебники. Мои ученики из межшкольного комбината трудового обучения поедут на международный ученический конкурс скорописи в Болгарию и там Наташа Лашина удивит всех тем, что после всего 30 занятий запишет текст со скоростью 60 слов в минуту, не сделав в расшифровке ни одной ошибки! Другие покажут большие скорости, но это после учебного курса в 10-20 раз больше нашего.

Так стенография будет моим пожизненным увлечением, любимым занятием, полем для творчества, частицей жизненного счастья. Потом каждый раз, рассказывая молодым о войне, я буду убеждать любить избранное дело и утверждать на своём примере, что это продлевает жизнь!

Первые очень тяжёлые годы после войны мы будем заняты учёбой и обустройством семейной жизни, встречи будут не частыми. Позже, кроме Марии и Веры, в Москву приедут Аня и Женя, и мы станем чаще навещаться туда. А когда ростовчане образуют Совет ветеранов полка и начнут организовывать встречи в Ростове, сюда будет приезжать больше сотни однополчан со всех уголков нашей страны.. Особенно трогательными будут встречи в Каменске и Лихой, где мы получили первое боевое крещение. А я оставлю на память многочисленные фотографии и киносъёмки.

Мне выпадет продолжить дело своего Учителя. И проработаю я на ниве стенографии в школах, училищах и вузах более 50 лет, отредактирую последний учебник Оганеса Степановича, сама выпущу десять учебников, последний правнук Олег вывкдкт в Интернете, организую не одни курсы стенографии очные и заочные. Меня будет волновать то, что такое замечательное рациональное письмо с распространением звукозаписи станет исчезать, хотя и она без письменного варианта не обходится. А возможность в любой момент на лету уже в процессе лекции осмыслить учебный материал и создать самый умный конспект студенту, в любой момент на лету зафиксировать самую гениальную мысль учёному – большая помощь каждому творческому человеку.

Когда мы постареем. и встречаться придётся реже, будем смотреть фотографии, любительские кинофильмы послевоенных встреч. На моё девяностолетие соберутся все родные, друзья и удивят меня приятным сюрпризом – пригласят на праздник казачий ансамбль. А Наташин студент сделает и оформит замечательный фильм. К этому времени однополчан останется только трое. Придёт эра Интернета, и мы будем общаться с родными, друзьями по видеосвязи, вспоминать прожитое и тех, кого уже нет, ведь приходим мы в этот мир на время, а уходим навсегда...

2006-2009 и 2014гг.

Губская Елена
Константиновна